

Поддай пару!

Автор:

[Терри Пратчетт](#)

Поддай пару!

Терри Пратчетт

Плоский мирМойст фон Липвиг #3

Мокриц фон Липвиг как никогда доволен своей жизнью. После публичного признания в мошенничестве он все еще жив. Почтамт, Монетный двор и Банк работают как часы. Супруга Мокрица все так же души не чает в нем и в семафорах. И вроде для скуки нет не то что места, но даже и времени... И все же, когда первый паровой двигатель завоевывает Анк-Морпорк, Мокриц фон Липвиг снова в гуще событий и снова на коне!

Заключительная книга трилогии о самом обаятельном мошеннике Плоского мира впервые на русском языке!

Терри Пратчетт

Поддай пару!

Terry Pratchett

Raising Steam

Copyright © Terry and Lyn Pratchett 2013.

First published as Raising Steam by Transworld Publishers

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Дэвиду Пратчетту и Джиму Уилкинсу – двум блестящим инженерам, которые научили своих детей осмотрительности

Сложно постичь ничто, хотя множественная вселенная полна им. Ничто странствует повсюду, вечно что-то опережает, и в великом облаке неведомого ничто стремится стать чем-то, вырваться наружу, прийти в движение, ощущать, меняться, танцевать, познавать – попросту говоря, быть чем-то.

И когда такой шанс повис в воздухе, ничто ухватилось за него. Ничто всегда знало про что-то, но это что-то было совсем не похоже на другие, и вот ничто тихо проскользнуло во что-то и поплыло, грезя обо всем сразу, и удачно приземлилось на спину одной очень большой черепахе, и поспешило скорее стать чем-то. Это было стихийно, это было фантастически, и вдруг – стихия попала в ловушку! Приманка сработала.

Всякий, кто хоть раз видел берега и воды реки Анк, кишашие самой несусветной дрянью, должен понимать, почему рыбными деликатесами жителей Анк-Морпорка в полном объеме снабжал рыболовецкий флот Щеботана. Анк-морпоркские рыботорговцы, в порядке профилактики ужасных желудочных заболеваний среди населения, следили за тем, чтобы товар попадал на их прилавки из сетей, закинутых как можно дальше от города.

Для поставщика первоклассных морепродуктов Боудена Джеффриса двести с лишним миль, разделявшие рыболовные базы Щеботана и рынки Анк-Морпорка, были трагически долгим расстоянием, особенно зимой, осенью и весной, а летом так и вовсе сущей пыткой, когда дорога, если это можно так назвать,

превращалась в раскаленную печку протяженностью до самой столицы. Если ты однажды имел дело с тонной перегретой осьминожины, это навсегда оставалось в твоей памяти. Запах потом стоял еще не один день, преследовал тебя даже тогда, когда ты ложился спать, и ни в какую не хотел отстирываться от одежды.

Люди – ужасно требовательные создания, вот и элита Анк-Морпорка (да и не только элита) хотела получать свежую рыбу даже в самые жаркие дни года. Собственными руками Джеффрис смастерил ледник и даже организовал на полпути смену, но все равно вонь стояла такая, что, ей-богу, слезы наворачивались на глаза.

Так он и сказал своему кузену Релаксу Джеффрису, садоводу и огороднику, который в ответ опустил взгляд в кружку с пивом и сказал:

– А вот всегда так. Никто не думает о мелком предпринимателе. Ты хоть представляешь, как быстро ягоды клубники превращаются в кашу на жаре? Так вот я тебе скажу: очень быстро. Моргнешь – и нет твоей клубники, а покупателю подавай ягоду. А спроси у зеленщика, как непросто довести чертов кресс-салат до города, чтобы он не завял, как уши прихожан на двухчасовой проповеди. Мы должны жаловаться правительству!

– Нет, – пресек его кузен. – Я уже сыт этим по горло. Лучше давай напишем в газеты! Вот как дела надо делать. Все ведь жалуются на фрукты, на овощи, на рыбу. Пусть уже Витинари войдет в положение мелкого предпринимателя. В конце концов, зачем-то же мы иногда платим налоги?

Дику Кексу было десять лет, когда в их семейной кузнице в Овцекряжье его отец взял и исчез среди разлетевшихся обломков кузнечного горна и кусков железа, в облаке розоватого пара. Его так и не нашли в кошмарном тумане, который буквально обжигал своей сыростью, но в тот день маленький Дик дал слово отцу, навсегда оставшемуся в этом обжигающем мареве, что он поработит пар.

Но у его матери были другие планы. Элси Кекс была повитухой – и говорила соседям: «Детишки везде родятся. Без клиентов не останусь». Так что вопреки желанием сына мать увезла его из родного дома, который теперь почитала проклятым. Она собрала все свои пожитки, и они вдвоем вернулись в родное

гнездо Элси в окрестностях Сто Лата, где люди не исчезали необъяснимым образом в горячих розовых облаках.

Вскоре с мальчиком приключилось нечто знаменательное. Однажды, ожидая возвращения матери со сложных родов, Дик набрел на любопытное здание, которое на поверку оказалось библиотекой. Поначалу он было решил, что книги состоят сплошь из напыщенной чепухи: все эти короли, поэты, возлюбленные, баталии, – но в одной, все определившей для него книге он обнаружил нечто под названием математика и целый мир чисел.

Вот почему в один прекрасный день, десять лет спустя, он набрался духу, насколько хватило легких, и признался матери:

– Помнишь, ма, как в прошлом году я сказал, что иду с друзьями в поход в горы Убервальда? Короче, я вроде как, это, типа немного приврал, но только чуть-чуть, честное слово, – Дик покраснел. – Дело в том, что я нашел ключи от старой папиной мастерской, ну и, в общем, поехал в Овцекряжье, провел там пару экспериментов, и, короче... – он с тревогой посмотрел на мать. – Кажется, я понял, в чем была папина ошибка.

Дик был готов к категоричным возражениям, но слез – столько слез – он не ожидал. Пытаясь успокоить мать, он добавил:

– Ма, вы с дядей Флавием дали мне образование, я теперь знаю и цифры, и арифметику, и даже всякие странные штуки, выдуманные эфебскими философами, где даже верблюды копытами чертят графики. А папа не знал ничего такого. У него были интересные идеи, но он не разбирался в те-хно-логии.

Когда он наконец дал матери вставить слово, та сказала:

– Знаю уж, что никак тебя не отговорить, сыночка, в этом ты весь в отца, такой же твердолобый. И этим ты занимался в амбаре? Эхо-логией? – Она посмотрела на него с укоризной и вздохнула. – Не стану указывать тебе, что делать, но вот ты сам мне скажи: как твои ложнорифмы уберегут тебя от судьбы бедного твоего отца? – И она снова разразилась рыданиями.

Дик достал из кармана куртки нечто похожее на волшебную палочку для карликового волшебника и объявил:

– Вот что уберезет меня от беды, ма! Я освоил счетную линейку! Я могу командовать синусом, и распорядиться косинусом, и даже искать квадратные корни! Так что кончай беспокоиться и пойдём лучше со мной в амбар, я хочу кое с кем тебя познакомить.

Госпожа Кекс нехотя потащилась за сыном в большой амбар, где он обустроил себе мастерскую, как в Овцекряжье. Напрасно мать надеялась, что сын каким-то чудом нашел себе девушку. Войдя внутрь, она беспомощно поглядела на большой металлический круг, который занимал большую часть амбара. Что-то металлическое со свистом носилось в нем кругами, как белка в колесе, источая специфический запах, похожий на запах камфоры.

– Вот она, мамуль. Правда, красавица? – ликовал Дик. – Я зову ее Железная Ласточка!

– Да, но что это такое?

Он расплылся в улыбке.

– Это называется про-то-тип. Нельзя стать инженером, если у тебя нет прототипа.

Мать слабо улыбнулась, но Дика было не остановить. Слова так и сыпались из него:

– Смысл в том, что, прежде чем браться за какое-то дело, нужно хоть немного представлять, что такое ты хочешь сделать. Мне как-то попала одна книга в библиотеке, и было там про то, как работают архитекторы. Так вот, автор написал, что каждый раз, перед тем как браться за новый большой дом, он делал малехонькие модельки, чтобы понять, как у него все это получится. Он говорит: как бы нудно это ни казалось, но если ты хочешь чего-то добиться, главное, никуда не спешить и подходить ко всему обстоятельно. Вот я и экспериментирую с ней, чтобы понять, что у нее получается, а что нет. Я так-то собой очень даже доволен. Сначала я сделал колею деревянной, а потом подумал, что сюда нужен такой тяжелый мотор, вот я и порубил деревяшку на

дрова и вернулся в нашу кузницу.

Госпожа Кекс разглядывала миниатюрный механизм, наворачивающий круги на амбарном полу.

– Да, сыночка, но для чего это? – поинтересовалась она, что есть силы пытаюсь понять, о чем он толкует.

– Я вспомнил, как папа однажды следил за кипящим чайником и заметил, что под давлением крышка на нем прыгает вверх и вниз. Папа тогда сказал мне: когда-нибудь кто-то смастерит такой большой чайник, что он будет поднимать штуки и потяжелее крышки. И я думаю, что с моими знаниями могу смастерить такой чайник, ма.

– Но где же такое может пригодиться, сыночка? – спросила мать строго.

У сына загорелись глаза, и он ответил:

– Везде, мама. Везде.

Все еще недоумевая, госпожа Кекс смотрела, как сын развернул перед ней большой и сильно замызганный лист бумаги.

– Это, мама, называется чертеж. Чертеж нужен обязательно. На нем видно, как все друг с другом состыкуется.

– Это часть твоего про-то-типа?

Юноша заглянул в лицо своей любящей матери и понял, что от него ждут более подробного объяснения. Тогда он взял ее за руку и сказал:

– Ма, я понимаю, что для тебя это одни только палочки да кружочки, но если бы ты разбиралась в палочках и кружочках, то поняла бы, что перед тобой схема мотора.

Госпожа Кекс вцепилась в его руку.

– И что же ты собираешься с этим делать, а, Дик?

И юный Дик усмехнулся и с блаженством на лице произнес:

– Менять все, что требует перемен, мама.

Госпожа Кекс с любопытством взгляделась в лицо сына, после чего скрепя сердце приняла решение.

– А ну-ка ступай со мной, сын.

Она повела его обратно в дом, и по лесенке они взобрались на чердак. Госпожа Кекс указала ему на прочный моряцкий сундук, заросший пылью.

– Твой дедушка наказал, чтобы я передала это тебе, когда понадобится. Вот ключ.

Мать порадовало, что он не стал сразу хвататься за ключ, а сперва внимательно осмотрел сундук и только потом отпер его. Когда Дик приподнял крышку, чердак озарился мерцанием золота.

– Твой дедушка был немножко пиратом, а как уверовал, то и струхнул. А его последние слова на смертном одре были такие: «Твой малец еще заявит о себе, помяни мое слово, девочка моя, но чтоб мне провалиться, если я знаю, что он там заявит».

Жители города уже давно свыклись с лязгом и дребезгом, ежедневно доносящимися из многочисленных кузниц, которыми славился этот край. Но вышло так, что, даже обзаведясь собственной кузницей, юный Дик Кекс предпочел не заниматься кузнечным ремеслом, возможно, как раз из-за того, каким жутким и внезапным образом покинул этот мир господин Кекс-старший. Для местных кузнецов вскоре стало обычным делом изготавливать на заказ непонятные предметы, которые Кекс-младший тщательно для них зарисовывал. Дик никогда не признавался, что же такое он мастерит, но поскольку кузнецы зарабатывали на нем кучу денег, они и не возражали.

Разлетелись вести о его наследстве (как же без этого – золото всегда найдет способ просочиться в пространство), и горожане чесали в затылках, соглашаясь со старейшим жителем городка, который, рассевшись на лавке у входа в таверну, воскликнул:

– Вот те на! Парню привалил ящик золота в наследство, а он возьми и преврати все в грудку старого железа!

Он рассмеялся, и остальные рассмеялись, но тем не менее продолжали наблюдать, как юный Дик Кекс ходит в старый, разваливающийся на части амбар, неизменно запертый на два висячих замка.

Дик нашел среди местных парней пару перспективных ребят и зазвал их себе в помощники: делать то, двигать это. Амбар постепенно обрастал пристройками. Были наняты дополнительные помощники. Весь день напролет изнутри доносился стук молотков, и по словечку, по капельке в некое коллективное сознательное просачивалась информация.

Парень-де соорудил насос, особенный такой насос, который качает воду с огромной глубины. А потом все бросил и заявил, мол: «Нам не нужно железо – нам нужна сталь!»

Из уст в уста передавались предания о громадных кипах бумаг на столах, за которыми Дик корпел над своим замечательным «предприятием», как он это называл. Разумеется, случался иногда и взрыв-другой, и тогда поползли слухи о том, что рабочие называли «бункером», куда нужно было прыгать, если случалось... недоразумение. А потом появилось незнакомое, но какое-то уютное мерное пыхтение. Очень приятный, на самом деле, звук, почти гипнотизирующий. Странно, что механический зверь, который производил эти звуки, на слух казался живее, чем следовало ожидать.

Местные подметили, что двое главных помощников господина Кекса (или Чокнутого Железного Кекса, как его теперь величали) как будто изменились, повзрослели, что ли, и были уже не юнцами, а сосредоточенными молодыми людьми, служителями таинственного механизма за закрытой дверью. И ни кружкой пива, ни лаской женщины из таверны – никакими взятками нельзя было заставить их раскрыть вожаделенные секреты амбара[1 - По этому поводу отпускались кое-какие непристойные комментарии, но, к прискорбию местных

незамужних девиц, всем стало ясно, что Чокнутый Железный Кекс и его механики интересовались своими железяками куда больше, чем женщинами.]. Они держали себя, как и подобало истинным хозяевам огненных печей.

И конечно, еще были солнечные дни, когда Дик и его помощники рыли длинные траншеи в поле за амбаром и закладывали в них металл, а печи пылали денно и ночью, и люди качали головами и приговаривали: «Сумасшествие». И продолжалось это, кажется, целую вечность, пока однажды вечность не подошла к концу, и не стало больше ни стука, ни лязга, ни искр. Тогда подручные Дика Кекса распахнули двойные амбарные двери, и мир заволкло дымом.

В той части Сто Лата никогда ничего не происходило, и этого хватило, чтобы отовсюду сбежались люди. Большинство подросли как раз вовремя, чтобы увидеть, как им навстречу, сопя и исторгая клубы пара, движется нечто на быстро вращающихся колесах, с ходящими ходуном поршнями, которые то призрачно проступали из-за дымовой завесы, то прятались обратно. А на вершине, словно король огня и дыма на своем троне, восседал сам Дик Кекс с застывшим на лице выражением предельной сосредоточенности. Отчасти успокаивало то, что этокое нечто было подвластно человеку – впрочем, внимательный зритель мог бы задаться встречным вопросом: «Ну и что с того? Ложка тоже подвластна», – и пуститься наутек, когда дымящая машина, приплясывая и работая поршнями, выкатилась из амбара и устремилась вперед по рельсам, проложенным в поле. Зеваки быстро прекращали зевать и бросались врассыпную – разумеется, за исключением мальчишек всех возрастов, которые провожали машину с широко распахнутыми глазами, и каждый на месте давал себе клятву, что однажды тоже будет капитаном такой громадной и опасной штуковины, вот увидите. Князем пара! Повелителем искр! Погонщиком молний!

А дым, вырвавшись наконец на волю, устремлялся прочь от амбара и летел в направлении самого большого города в мире. Сначала медленно, но постепенно набирая скорость.

Чуть позже, несколько раз успешно съездив туда и обратно по короткому участку пути в поле, Дик со своими помощниками уселся за стол.

– Уолли, Дэйв, парни, медь уже на исходе, – сказал он. – Так что пусть ваши матери соберут вам вещички, сготовят бутербродов в дорогу, и седлайте лошадей. Отвезем Железную Ласточку в Анк-Морпорк. Говорят, там происходит

все самое интересное.

Да, лорд Витинари, тиран Анк-Морпорка, иногда встречался с леди Марголоттой, правительницей Убервальда. А что такого? Встречался же он и с Алмазным королем троллей близ Кумской долины, и, уж конечно, с гномьим королем-подгорой Рысом Рыссоном в его пещерах под Убервальдом. Все прекрасно понимали, что это и есть политика.

Да, политика. Невидимый клей, не позволяющий миру расколоться на воюющие фрагменты. Прошлое и так видело слишком много войн. И каждому школьнику было известно – во всяком случае, было бы известно, если бы школьники читали не только надписи на пакетах с печеньем, – что в недалеком прошлом чуть не случилась одна очень страшная война, последняя битва в Кумской долине, и в результате гномы и тролли сумели добиться если не мира, то взаимопонимания, из которого с помощью богов мог еще вырасти мир. Произошел обмен рукопожатиями (важные люди важно пожали друг другу руки), и появилась надежда – хрупкая, как мысль.

И впрямь, думал лорд Витинари, подъезжая в трясущейся карете к Убервальду, после знаменитого Кумского мирного соглашения в обществе царил такой оптимистический настрой, что даже гоблинов в кои-то веки согласились признать разумными существами, к которым нужно относиться как к братьям, пускай и к меньшим. Патриций размышлял о том, что со стороны внешнеполитическая обстановка вполне могла сойти за мирную, но мир – это такое состояние, которое рано или поздно все равно заканчивается войной.

Он поморщился, когда карета налетела на очередной ухаб. По его приказу сиденья были снабжены дополнительными подушками, но ничто не могло избавить путника, ехавшего в Убервальд, от тех пыток, которые подстерегали его на каждой выбоине на пути, причиняя колоссальные неудобства. Продвигались они медленно, но остановки у клик-башен, попадавшихся на пути, позволяли секретарю лорда Витинари Стукпостуку получать ежедневные кроссворды, без которых день патриция был бы неполным.

Снаружи раздался стук.

– Боги праведные! Стукпостук, неужто непременно нужно въехать в каждую колдобину на дороге?

– Увы, сэр, похоже, даже сейчас ее светлость не может контролировать разбойников на Дичьем перевале. Она проводит периодические зачистки, но, боюсь, этот маршрут самый безопасный.

Послышался крик и потом – снова стук. Витинари потушил лампу для чтения за секунду до того, как некто свирепой наружности приставил наконецник арбалета к окну кареты, в которой теперь царила тьма, и потребовал:

– А ну, выходите и прихватите с собой все свои ценности, а не то... понятно вам? И без фокусов! Мы наемные убийцы!

Лорд Витинари невозмутимо отложил книгу и со вздохом обратился к Стукпостуку:

– Похоже, на нас напали наемные убийцы, Стукпостук. Не правда ли, мило?

Стукпостук слегка улыбнулся:

– Очень мило, сэр. Вы же так любите встречи с наемными убийцами. Не стану вам мешать, сэр.

Витинари закутался в плащ и выбрался из кареты со словами:

– Нет повода прибегать к насилию, господа. Я отдам вам все, что у меня есть...

Не прошло и двух минут, прежде чем его светлость вернулся на свое место и как ни в чем не бывало подал вознице сигнал трогать.

Некоторое время спустя из чистого любопытства Стукпостук поинтересовался:

– Что случилось на этот раз, милорд? Я ничего не слышал.

Сидя рядом с ним, лорд Витинари ответил:

– Они тоже, Стукпостук. Подумать только, сколько сил потрачено впустую. Невольно задаешься вопросом, почему они так и не научились читать. Тогда они

опознали бы герб на моей карете, что могло бы их как-то вразумить.

Карета постепенно набрала скорость, которую можно было назвать разве что хаотичной.

– Но ваш герб, сэ, он черного цвета на черном фоне, и снаружи темным-темно, – заметил Стукпостук, немного поразмыслив.

– Ах да, – отозвался лорд Витинари с тем, что у него сходило за улыбку. – Знаешь, Стукпостук, а ведь я об этом не подумал.

Было в замке леди Марголотты что-то неизбежное. Величественные двери отворялись медленно и с протяжным скрипом. В конце концов, статусную атрибутику никто не отменял. В самом деле, какой уважающий себя вампир захочет жить в замке, где двери не будут скрипеть и стонать по первому требованию? Да и Игори ни за что бы не согласились. Здешний Игорь как раз встретил лорда Витинари и его секретаря и пригласил в напоминавший пещеру холл с потолками, затянутыми колыхавшейся паутиной. И было такое ощущение – одно лишь ощущение, не более того, – что глубоко в подземелье что-то кричало.

С другой стороны, рассуждал Витинари, здесь обитала удивительная женщина, которая сумела втолковать вампирам, что возвращение из могилы с такой частотой, что голова может закружиться, – не самая умная затея, и которая каким-то чудом убедила их померить пыл во время ночного досуга. Помимо этого она завезла в Убервальд кофе, вероятно, чтобы подменить одно пагубное пристрастие другим.

Леди Марголотта всегда говорила коротко и по делу, и именно такой разговор состоялся между ними после пышного ужина несколько дней спустя.

– Это все граги. Опять граги! А ведь столько времени прошло! Ситуация только обостряется, как ты и предсказывал, дорогой Хэвлок. Как мог ты это предвидеть?

– Алмазный король троллей задал мне такой же вопрос, и я могу только повторить свой ответ. Разумные существа по природе своей неуемны. Иными словами, все они не могут быть удовлетворены одновременно. Или ты думала, что флагами, фейерверками, рукопожатиями и обещаниями после подписания Кумского соглашения дело и кончилось? Лично я всегда воспринимал это как антракт. В сущности, Марголотта, мир – это то, что происходит, пока зреет следующая война. Невозможно угодить всем сразу и особенно невозможно угодить всем гномам сразу. Видишь ли, когда я веду переговоры с алмазным королем троллей, он выступает от лица всех троллей, представляет интересы каждого из них. Когда дело касается политики, им хватает ума предоставить разговоры ему. Но взять, к примеру, тебя, дорогая леди Марголотта. Ты выступаешь от лица всех своих... подданных в Здеце[2 - Правильно произносится: Задец.], и когда нам приходится проводить переговоры с тобой, они проходят в целом адекватно... Но гномы – это стихийное бедствие. Только ты договоришься с их предводителем, как на поверхность выползает какой-нибудь граг с выпученными глазами, и все вдруг возвращается на исходную позицию, все мировые соглашения аннулированы и недействительны, и ни о каком доверии не может быть и речи! Ты сама знаешь, что король – «десятник»[3 - От гномьего дезка-ник, букв.: начальник шахты.], выражаясь их словами, – есть в каждой шахте на Диске. Как вести дела с таким народом? Каждый гном сам себе тиран.

– Что ж, Рыс Рыссон справляется вьесьма недурно в сложившихся обстоятельствах, а мы в вьерхнем Убервальде... – леди Марголотта почти шептала, – ...очень радеем за прогресс. Но да, как одержать окончательную победу, вот что мне хотелось бы знать.

Его светлость аккуратнo отставил бокал.

– Увы, этого не достичь никогда. Меняются звезды, меняются люди, и нам остается только содействовать будущему, заботиться о нем с решимостью и осмотрительностью, дабы мир пребывал в мире, даже если для этого придется истребить на корню нависшую над ним угрозу. Должен отметить, вкрадчивые и пространные расспросы о сегодняшнем положении дел в мире подсказывают мне, что король-под-горой – которому я нанес визит накануне нашей с тобой встречи, как того требует протокол, – уже вынашивает планы. И как только он сделает свой ход, мы бросим все силы на его поддержку. Он строит большие планы на будущее. Он считает, что подходящее время пришло, тем более теперь все знают, что в Анк-Морпорке проживает самое многочисленное в мире

сообщество гномов.

– Но его народ не очень-то жалуется прогрессу. И должна признать, я понимаю почему. Прогресс – серьезный повод для беспокойства, когда из всех сил пытаешься сохранить мир. Он такой... непредсказуемый. Мне же не нужно напоминать тебе, Хэвлок, как много лет тому назад один эфебский философ построил мощную машину, пугающе мощную. Если бы те люди сохранили для будущих поколений секрет мотора, движимого силой пара, жизнь сегодня могла бы быть совсем другой. Тебе не кажется это тревожным? Как мы можем контролировать будущее, когда один дурак может придумать механизм, способный перевернуть весь мир?

Лорд Витинари вылил себе в бокал остатки бренди и беззаботно ответил:

– Леди Марголотта, только дурак будет стоять на пути у прогресса. Глас народа – глас богов. Впрочем, под чутким управлением разумного правителя. Поэтому я придерживаюсь той точки зрения, что когда придет время парового двигателя, паровой двигатель придет.

– Что это ты тут делаешь, а, гном?

Юный Магнус Магнуссон не сразу обратил внимание на старого гнома с угрюмым лицом (насколько его было видно под бородой). Он явно принадлежал к тому типу гномов, которые сами никогда не были молоды. Поэтому Магнус пожал плечами и ответил:

– Без обид, о почтенный, но я вроде иду себе, никого не трогаю и надеюсь, что окружающие поступят точно так же. Крысовать-то зачем?[4 - Тут человек мог бы сказать «быковать», но гномы не питали теплых чувств к коровьему семейству, тогда как на крысятину всегда можно было положиться.]

Говорят, что кроткий ответ отгоняет гнев, но наблюдение это, которое зиждется на одной лишь надежде, в ту минуту демонстрировало свою несостоятельность, поскольку даже внятный и продуманный кроткий ответ вполне способен вывести из себя того, кому только дай повод. И пожилой гном сейчас упивался собственным гневом.

– Ты почему каску задом наперед надел, юный гном?

Магнус был гномом простым и допустил роковую ошибку: он применил логику.

– Ну так, о почтенный, на нем мой скаутский значок. Слыхали про скаутов? Прогулки на свежем воздухе? Абсолютно безвредное и полезное для общества занятие?

Перечисление добрых намерений Магнусу ничем не помогло, и в нем запоздало проснулось предчувствие беды. Старый гном был очень сильно недоволен, и за короткое время их разговора к ним успели подтянуться другие гномы, которые смотрели на Магнуса так, будто примеривались перед дракой.

Магнус впервые оказался в городах-близнецах Здеце и Шмальцберге и не рассчитывал на такой прием. Эти гномы были совсем не похожи на тех, с кем он вырос на улице Паточной шахты. Поэтому Магнус начал пятиться, торопливо бормоча:

– Я здесь, если что, навещаю бабушку, она у меня приболела, и я приехал аж из самого Анк-Морпорка. Добирался на попутных телегах, спал на улицах, в стогах сена и амбарах. Это очень, очень далеко...

И потом все случилось.

Магнус бежал быстро, как и подобало члену анк-морпоркской Крысиной стаи[5 - Скаутское движение троллей, гномов и людей зародилось вскоре после подписания Кумского соглашения по инициативе лорда Витинари, чтобы дать молодому поколению трех доминирующих видов возможность познакомиться друг с другом и найти общий язык. Естественно, молодые поколения любых видов, собранные вместе, вместо того чтобы вцепиться друг другу в глотки, объединят силы в борьбе против реального врага – своих родителей, учителей и прочих авторитетов, которые ужасно отстали от жизни. И идея возымела успех, ведь это был Анк-Морпорк, верно? Никому нет дела, какой ты формы, но кто-то всегда может заинтересоваться тем, сколько у тебя денег.]. Уже на бегу он пытался сообразить, что же пошло не так. Он ведь так долго добирался на перекладных до Убервальда, и он был гномом, и они были гномами, и...

Тут он вспомнил, как читал что-то такое в газетах еще дома, про то, как некоторые сообщества гномов до сих пор отказываются иметь дело с любыми организациями, которые включают в свои ряды троллей – их извечных инстинктивных врагов. Но на родине Магнуса тролли водили с гномами дружбу, и они все до единого были нормальными ребятами – да, может быть, туповатыми, но Магнус порой захаживал к ним в гости на чашку чая, да и они к нему. Только сейчас он вспомнил, как старые тролли и пожилые гномы огорчались по той лишь причине, что после многовековых попыток истребить друг друга они после одного-единственного рукопожатия должны были вдруг стать приятелями.

Магнус знал, что подземный город подгорного короля был местом темным, и гномов это устраивало, ведь гномы и темнота всегда шли рука об руку. Но оказавшись там, он ощутил какую-то особенно едкую темноту. В ту нелегкую минуту Магнусу показалось, что здесь у него нет ни одной близкой души, за исключением бабушки, на пути к которой, похоже, его поджидало еще немало неприятностей.

Он уже запыхался, но шум погони за Магнусом все еще не стихал, даже когда он оставил позади глубинные коридоры и туннели и устремился к выходу из подземного города Шмальцберга, понимая, что к бабушке ему придется вернуться в другой день... или другим путем.

Он остановился лишь на секунду перевести дух, но стражник у городских ворот перегородил ему дорогу с жадным выражением лица.

– И куда это ты торопишься, господин Анк-Морпорк? На солнечный свет к своим дружкам-троллям?

Стражник взмахнул пикой, сшиб Магнуса с ног, и избиение началось всерьез. Магнус откатился, пытаясь увернуться от ударов, и, повинуясь некоему рефлексу, выкрикнул:

– Так не просит, чтобы мы думали о нем, но Так требует, чтобы мы думали!

Он захрипел и выплюнул зуб и в этот момент увидел, как к ним приближается еще один гном. Новоприбывший на вид казался немолодым и состоятельным, так что ни о какой дружбе не могло быть и речи. Но вместо того чтобы надавать

Магнусу пинков, гном рявкнул голосом, похожим на грохот молота:

– А ну, слушай меня, юный гном, никогда не теряй бдительности...

Он отшвырнул его обидчика с похвальной свирепостью и восхитительно чрезмерной жестокостью и, пока стражник кряхтел на земле, помог Магнусу подняться.

– Ну, бегаешь ты, юноша, лучше всех гномов, которых я знаю. Но на будущее имей в виду, что анк-морпоркские гномы в наших краях нынче не в фаворе. Да я и сам от вас не в восторге, если откровенно, но драка должна быть честной.

С этими словами он дал пинка ошалевшему стражнику и добавил:

– Мое имя Грох Грохссон. А тебе, юноша, рекомендую обзавестись микрокольчугой, если ты и впредь намерен навещать свою бабушку, вырядившись, как анк-морпоркец. Хотя мне стыдно видеть, что мои братья так скверно обращаются с младшим товарищем только за то, как он одет, – и он еще раз пнул распростертого стражника, как будто поставил жирную точку после своей гневной речи. – Но ты молодец, я впервые вижу, чтобы гном так быстро бегал! Ох, как же ты бежал... Но бывает, нужно уметь и прятаться.

Магнус отряхнулся и посмотрел на своего спасителя.

– Грох Грохссон! Да ты же легенда! – воскликнул он и отступил на шаг. – Я все про тебя читал! Ты стал грагом, потому что не любишь Анк-Морпорк!

– Может, и не люблю, юноша, но и убийств в темноте, в отличие от этих поганых глубинников, не одобряю. Лично я предпочитаю драться на равных.

С этими словами Грох Грохссон еще разок увесисто пнул павшего стражника своим огромным, подбитым железом сапогом.

А потом один из самых известных и уважаемых гномов в мире протянул руку юному Магнусу и сказал:

– Дальше о тебе позаботится твой талант. Как ты и сказал, Так не просит нас думать о нем, но он просит нас думать, – помни об этом и думай, во что одеваться в следующий раз, когда поедешь к бабушке. Вдруг ей тоже не понравится анк-морпоркская мода. Рад знакомству, пострел. А теперь уноси ноги, в следующий раз меня может и не оказаться рядом.

Далеко от убервальдских гор сэр Гарри Король предавался размышлениям о текущих делах. Все знали его как Короля Золотой Реки, потому что он сколотил свое состояние, заботясь о чужих текущих делах.

Гарри обычно был неунывающим человеком с крепким пищеварением, но только не сегодня. Уже много лет он был заботливым мужем, любящим свою жену Юфимию, но, опять же, не сегодня. Гарри был хорошим начальником, но тоже не сегодня, потому что сегодня Гарри мучился животом из-за палтуса, к которому если и можно было обратиться фразой «давно не виделись», то без особой радости. Вид палтуса не понравился ему еще на тарелке, поскольку палтус – это рыба, которая всегда смотрит на тебя с упреком. Последние несколько часов Гарри воображал, как чертова рыбина разглядывает его внутренности.

Проблема, как считал Гарри, была в том, что Юфимия никак не могла забыть старое доброе время, когда они были бедны как церковные мыши и ужасно бережливы от бесконечной нужды, а такие привычки въедаются в самое нутро. Почти как неблагоприятно съеденная рыба, которая плескалась теперь где-то в районе кишок и норвила заплывать куда не надо.

Гарри был воспитан в том духе, что есть надо все, что дают, – да, да, все и без остатка. Когда он наконец был готов выйти из уборной (там ему мерещилось, будто рыба продолжает наблюдать за ним из дыры), он дернул за цепочку с такой силой, что она порвалась, и у женщины, которую он иногда называл Герцогиней, нашлась для него пара ласковых. А пара ласковых закономерно привела к еще большему количеству уже совсем не ласковых слов от обоих, которые Гарри, будь его воля, адресовал бы пресловутой рыбе, из-за которой все это началось. Но вместо этого между ним и его женой началось то, что было прекрасно знакомо обоим: грызня. И Юффи, рожденная в соседней помойке, тут могла даже ему дать фору, особенно когда вооружалась каким-нибудь ценным декоративным кувшином. От острого язычка Юффи даже сапожник покраснел бы – а потом она назвала Гарри «навозным королем», вынудив его сделать то, о чем он никогда даже не помышлял, а именно – замахнуться на жену, тем более

что кувшин, которым она была вооружена, оказался очень тяжелым[6 - Не говоря уже о том, что кувшин был династии Максвини и потому стоил баснословных денег. Зато фарфоровые черепки на полу не показались Гарри такими уж дорогими.].

Ясное дело, все, как всегда, обязательно уляжется, и крепкое супружеское счастье постепенно воцарится в их доме. И все-таки целый день Гарри расхаживал по своим владениям, как старый лев в клетке. «Навозный король»... Ну да, и благодаря ему на улицах было чисто, или, по крайней мере, чище, чем было до тех пор, пока не установилась в некотором роде империя Гарри Короля. Он бродил и думал, что его работа была связана со всеми теми гадостями, которые люди оставляли за собой. Так что на верхушке социальной лестницы ловить ему было нечего. Да, он был сэром, но еще он знал, как Юффи мечтала, чтобы они бросили все это смердящее дело.

– В конце концов, – заявила она, – ты и так богат, как Креозот. Неужели нельзя найти другое занятие – что-нибудь такое, чем люди занимаются по желанию, а не по нужде?

Строго говоря, у Гарри с философией было так себе. Он гордился тем, чего достиг, но отчасти соглашался и с Юффи, что он мог бы заниматься чем-то более достойным, чем борьба с нечистотами и контроль вечно переполненных городских отстойников. Но и это надо было кому-то делать. Впрочем, сам Гарри уже много лет не прикасался к помоям – он платил ассенизаторам и золотарям, а теперь еще и целой армии гоблинов, чтобы они выполняли за него грязную работу. И все же ему хотелось заняться таким делом, которое было бы мужественным, но при этом чуть менее омерзительным.

Он уволил своего нынешнего законника, гнома, который стал запускать липкие ручонки к нему в карман, но по рассеянности даже не спустил паршивца с лестницы.

В непривычно подавленном настроении Гарри слонялся по участку, не зная, как успокоить душу. Дойдя до ограды, он остановился и вдохнул полной грудью. Ветер дул со стороны Пупа, и Гарри повернулся в ту сторону и уловил дразнящий запах: мужественный, бескомпромиссный, запах, который обещал открыть перед ним новые горизонты.

Отношения между Мокрицем фон Липвигом и Дорой Гаей Ласской были крепкими и счастливыми, возможно, еще и потому, что они подолгу не виделись. Она была занята управлением Гранд Магистралью, а он крутился между банком, Почтамтом и Монетным двором. Лорд Витинари мог себе думать что угодно, но Мокриц занимался во всех этих учреждениях реальными делами, что и называлось, по его собственному определению, «держат все на плаву». Все работало, и работало очень даже неплохо, но Мокриц не сомневался, что так было только потому, что его постоянно видели то в банке, то на Почтамте, то на Монетном дворе в качестве господина Банка, господина Почтамта и Господина Монетного двора соответственно.

Он общался с людьми, интересовался их работой, справлялся о здоровье их супругов, зная наизусть имена всех членов семьи каждого, с кем ему приходилось иметь дело. Это был талант, очень полезный талант, и он постоянно выручал Мокрица. Пока ты интересуешься людьми, они интересуются своей работой, и, чтобы волшебство не улетучилось, присутствие Мокрица было жизненно необходимо.

Что касается Доры Гаи, семафоры были у нее в крови, семафоры были ее наследием, и горе всякому, кто встанет между ними[7 - На големов это не распространялось. В то темное время, когда компания, принадлежавшая ее семье, была узурпирована коммерсантами, Дора Гая направила все свои силы на освобождение големов. Она и сейчас продолжала сотрудничать с Тростом Големов, но приятно удивлявший темп перемен в Анк-Морпорке означал, что големы теперь могли прекрасно справляться и без нее.], даже если этим всяким окажется ее муж.

Как бы то ни было, а система работала так же слаженно, как и они, так что Мокриц и Дора Гая смогли позволить себе дворецкого по имени Кроссли, в комплекте с которым шла и госпожа Кроссли[8 - Дора Гая была затейливо плохой кухаркой и прекрасно об этом знала, полагая приготовление пищи напрасной тратой времени для женщины, у которой есть хотя бы одна рабочая извилина. А поскольку Мокриц придерживался аналогичного мнения касательно физического труда, достигнутый компромисс устраивал всех участников.]. В их доме на Лепешечной улице также обитал садовник, который, судя по всему, прилагался к недвижимости. Чип[9 - И это было все его имя.] оказался рукастым и очень общительным, хотя Мокриц не понимал ни слова из того, что он говорил. Он приехал откуда-то из Графств и говорил такими словами, которые теоретически были морпоркскими, но на деле состояли из соломы и слога «а-ах»,

который принимал активное участие в каждом разговоре. Чип варил сидр в своем сарайчике на краю сада, найдя в этом применение яблоням, которые холил и лелеял прежний владелец. Заодно он мыл окна и при помощи всевозможных молотков, пил, сверл, отверток, стамесок, гвоздей и прочих неопознаваемых штукювин делал жизнь Мокрица намного легче, становясь при этом самым состоятельным мастером в округе.

Мокриц фон Липвиг однажды занялся физическим трудом и не нашел в этом никаких перспектив, но он мог часами смотреть, как работают другие. Кроме того, некоторых из этих других все устраивало, так что Мокрицу оставалось только пожать плечами и порадоваться, что Чипу нравилось работать руками, а ему нравится не поднимать ничего тяжелее стакана. Ведь работа Мокрица была не видна глазу и состояла из слов, которые, к счастью, не весили ни грамма и не нуждались в смазке. В пору его мошеннической карьеры они служили ему безотказно, и теперь он чувствовал некоторое самодовольство, используя их на благо общества.

Мокриц чувствовал необходимость подчеркнуть, что между банкиром и мошенником, честное слово, была разница, пусть даже и самая незначительная. К тому же лорд Витинари не спускал с него глаз.

Так что все были счастливы, и Мокриц ходил на работу в чистой одежде и с чистой совестью.

Умывшись и облачившись в эту самую одежду в своей отдельной ванной комнате[10 - Раздельные ваннные комнаты, естественно, залог успеха любых семейных отношений.], Мокриц отправился к жене, по дороге упражняясь в улыбке, которая должна была казаться бодрой. С Дорой Гаей[11 - Шпилька, как любя называл ее муж. Брат звал ее Убийцей, но в хорошем смысле.] он никогда не знал, чего ожидать. Иногда она бывала такой язвой. Да и немудрено, она ведь теперь заправляла всей системой семафорного сообщения.

Гоблинов она тоже любила, поэтому одни жили у них за обшивкой стен, а другие – под крышей. От гоблинов пахло. Запах, когда оправишься от первоначального шока, был даже не то чтобы ужасен. Все с лихвой искупало то, что гоблины как один полюбили семафоры всем своим щупленьким сердцем. Рычажки и колесики очаровывали их. Мокриц знал, что раньше гоблины прятались по пещерам и всяким нездоровым местам, которые люди обходили стороной, но сейчас, когда вдруг к ним стали относиться как к равным, они обнаружили, что вообще-то их

стихией было небо. Гоблины могли взобраться на верхушку башни быстрее любого человека; ритмичные пощелкивания, лязг и неумные механизмы клик-башен покорили их раз и навсегда.

Гоблины обосновались в городе всего несколько месяцев назад, но уже втрое увеличили эффективность клик-сообщения по всем Равнинам Сто. Это были дети тьмы, но они отличались удивительным восприятием света. Полчища[12 - Литературное название стаи гоблинов.] коварных гоблинов заселяли крыши, но если вы хотели, чтобы ваш клик мгновенно перепархивал с башни на башню, следовало воздержаться от таких выражений. Злодеи из сказок нашли наконец свое место в обществе. Для этого только и нужно было, что новые технологии.

Когда Дик Кекс вошел во владения сэра Гарри Короля, он слабо себе представлял, как нужно разговаривать с большим человеком. Но как-то ему удалось сказать нужные слова людям в приемной. Они ревниво поглядывали на него, будто считали своим долгом никого и никогда не допускать до Гарри Короля, особенно чумазных юношей с диким взглядом, которые изо всех сил стараются выглядеть респектабельно, несмотря на поношенную одежду, которой, по мнению этих привратников, не помешал бы, например, хороший костер. Но Дик оказался назойливым, как оса, и пробивным, как отбойный молоток, так что в итоге он предстал перед этим большим человеком в качестве просителя.

Гарри с нетерпеливым выражением на румянном лице поглядел на него из-за стола и сказал:

– Сынок, время – деньги, а я человек занятой. Ты сказал Нэнси, там, в приемной, что у тебя есть для меня кое-что интересное. Так что кончай ерзать и смотри мне прямо в глаза. А захочешь меня облапошить – кубарем полетишь с чортовой лестницы[13 - Восхитительно пестрая древесина дуба из Чортова леса пользовалась большим спросом на рынке элитных столярных изделий.], и поминай как звали.

Дик молча посмотрел на Гарри, а потом произнес:

– Сэр господин Король, я построил такую машину, которая может перевозить людей и грузы куда хочешь и откуда хочешь, и ей не нужны лошади, она

работает на воде и угле. Это моя машина, я сам ее построил и мог бы сделать даже лучше, если ты сочтешь возможным сделать небольшое вложение.

Гарри Король залез в карман и вынул увесистые золотые часы. Дик не мог не заметить знаменитые золотые перстни, которые, по слухам, Гарри Король никогда не снимал и, очень может быть, использовал в качестве социально приемлемого и жутко дорогого кастета.

– Я правильно тебя понял? Как тебя там, господин Кекс? Даю тебе пять минут, чтобы заинтриговать меня, и если мне покажется, что ты очередной базарный наперсточник, то вылетишь отсюда гораздо быстрее, чем вошел.

– Моя матушка всегда говорит, лучше один раз увидеть, господин Король, так что я пришел не с пустыми руками. И если ты дашь мне немного времени, чтобы привести ребят с лошадьми... – Дик прочистил горло. – В общем, я прямо скажу, господин сэра Гарри, я взял на себя смелость оставить все у входа в твои владения. Я там поговорил кое с кем, ну и мне сказали, что ежели Гарри Король захочет, чтобы что-то случилось, пусть это случится сразу... – Он осекся. Что это такое появилось в глазах Гарри – огонек?

– Время, конечно, деньги, сынок, – изрек мусорный магнат с большим апломбом, – зато разговоры идут по дешевке. Через пять минут я выйду, и лучше бы ты показал мне к этому времени что-то конкретное.

– Спасибо, сэра Король, премного благодарен, только нам сначала надо котел разогреть, а потом уж она и запыхтит, не позднее как через пару часов.

Гарри Король вынул сигару изо рта.

– Что? Кто запыхтит?

Дик нервно усмехнулся:

– Увидишь, господин, увидишь.

Очень скоро, как раз к условленному времени, дым и пар заволокли участок, и Гарри действительно увидел – и поразился.

Гарри был совершенно ошеломлен. Металлическая конструкция чем-то смахивала на насекомое. Ее фрагменты безостановочно вращались, а продолговатое туловище было затянуто облаком дыма и пара, которые она сама же и выпускала. Гарри Король увидел перед собой воплощение функциональности. Более того, функциональности, которая вряд ли станет клянчить отгул на бабушкины похороны.

Перекрикивая шум, он спросил:

– Как, говоришь, это называется, парень?

– Железная Ласточка, господин. Это локомотив – паровоз то есть. Его двигатель использует расширение или спонтанную конденсацию пара для выработки энергии. И если ты дашь нам проложить для нее рельсы, господин, вот тогда мы покажем, на что она способна.

– Рельсы?

– Ага. Она едет по железной дороге, ты все увидишь.

Внезапно раздался истерический вопль банши – это Уолли потянул за рычаг.

– Извиняй, господин, но пар надо выпускать. Тут вся соль в укрощении пара. Слышишь, как плачет? Это она хочет прийти в движение, сила растрачивается понапрасну, пока она тут стоит без дела. Дай мне немного времени и позволь проложить пробную колею вокруг твоего участка. Даю слово, скоро она побежит.

Гарри вопреки обыкновению молчал. Машинный гул поверг его в какой-то транс. И снова металлический крик пара пронесся над участком, как неприкаянная душа, и Гарри поймал себя на мысли, что не может уйти. Он не был склонен к самонаблюдению и прочим пустякам, но подумал, что это... о да, это стоило того, чтобы присмотреться поближе. А потом он заметил лица собравшейся вокруг толпы, гоблинов, вскарабкавшихся повыше, чтобы поглазеть на этого яростного демона, которого непостижимым образом держали в руках двое юнцов в фуражках и с сомнительными зубами.

Приводя мысли в порядок, Гарри повернулся к Дику:

– Господин Кекс, даю тебе два дня и ни днем больше. Это твой шанс, сынок, не упусти его. Я, повторюсь, человек занятой. Через два дня покажи мне то, что меня ошеломит. Вперед.

Гномы и люди внимательно слушали дедка, сидящего в углу «Паточного шахтера»[14 - Известный в народе как «Липкая голова».], – скорее всего, он был человеком, но с такой окладистой бородой, какую любой гном с руками бы оторвал, – и сейчас он решил поделиться с собравшимися своими познаниями о мире паточных рудников.

– Собирайтесь в круг, детишки, да подлейте мне пивка, и я расскажу вам страшную и липкую сказку. – Он многозначительно посмотрел на свою пустую кружку, все засмеялись, какой-то доброжелатель подал ему новую, и, потягивая пиво, он начал свой рассказ.

Много лет назад под Анк-Морпорком неожиданно были обнаружены глубинные залежи патоки, на много саженей под землей, а каждому паточному шахтеру известно, что чем глубже патока, тем ровнее текстура и, следовательно, богаче вкус. Где как, а в Анк-Морпорке между кланами гномов не было особых разногласий по этому поводу, и кому разрабатывать месторождение, подружески решали между собой старики – гномы и люди.

Все сходились во мнении, что когда дело доходит до работ под землей, то гномам равных нет, но, к неудовольствию старших шахтеров, анк-морпоркская гномья молодежь не хотела лезть в шахту ни за какие коврижки. Так что умудренным сединами дедам пришлось приглашать местных шахтеров всех рас на работу под многовековыми улицами Анк-Морпорка, из чистого удовольствия снова наблюдать, как добывается патока, и шахтеры, кем бы они ни были, занялись липким делом по добыче глубинной сверкающей патоки.

А потом что-то случилось где-то в регионе Графств. Там шахтеры разрабатывали большой пласт, который частью залегал на территории, тогда принадлежавшей гномьему королю-под-горой. В те совсем недавние времена дипломатические отношения между людьми и гномами были в некотором роде напряженными.

В тот день произошел внезапный обвал темного ириса, безумно ценного и экзотического, но которого, тем не менее, боялись все паточные шахтеры, ибо тот имел обыкновение спонтанно обрушиваться в туннелях. По словам очевидцев, люди и гномы вместе бурили скважины под землей, пока политики спорили по обе стороны политической границы. И обвал произошел преимущественно на человеческой стороне, и многих захлестнуло беспощадным вязким потоком.

Дедок запнулся и сказал:

– Хотя, если подумать, может, это была и гномья сторона... – Он смутился, но продолжил: – В общем, сейчас уже и не важно чья, давно это было. Шахтеры, работавшие над пластом с обратной стороны обвала, услышали, что там осталось много своих, и они в ловушке, и тонут в сахарорафинадном продукте, и сказали: «Ну-ка, парни, возьмемся сообща и вытащим их оттуда».

Дедок еще помолчал, возможно, для выразительности, и продолжал:

– Но это, конечно, значило, что им надо вторгнуться на территорию, от которой их отделяли два проклятых блокпоста с вооруженной охраной. Охраной, которая, кстати, совсем не волновалась за шахтеров и уж точно не собиралась пускать вражеские силы на свою суверенную почву.

После очередной продолжительной паузы рассказ возобновился. Шахтеры навалились на блокпосты. Кто-то воскликнул: «Нам их не одолеть, они вооружены!» – и они переглянулись с безумным озарением, и другой голос воскликнул: «Ну, если так посмотреть, то и мы тоже вооружены, и нас больше!» И тогда этот шахтер взмахнул своим огромным кулаком и добавил: «И мы шахты роим целый день, а не лицом торгуем».

И вот все как один человек – или, может быть, гном – они ринулись на баррикады, и охранники, осознав, что вселить страх у них не получилось, побежали искать укрытия, когда шахтеры с кирками и лопатами обрушились на них со всей мочи. И шестьдесят шахтеров по обе стороны границы были спасены из очень липкого положения.

Административных последствий удалось избежать, потому что официальным лицам не хотелось сознаваться в собственном позоре.

Дедок посмотрел по сторонам с сияющим видом, как будто он сам был одним из тех шахтеров. А может, и был. Его кружку снова наполнили до краев, и он мечтательно проговорил:

- Но то было тогда. Хотел бы я, чтобы и сейчас все было так же.

Подходил к концу второй назначенный день, когда стараниями Кекса и его помощников Железная Ласточка запыхтела и медленно, но целеустремленно поползла по короткой круговой колее на участке Гарри.

И Гарри не мог не заметить, что у машины изменился вид, и теперь она стала как-то... ровнее, чем прежде. Он даже подумал, что мог бы назвать ее изящной, хотя сложно было отнести такое слово к пятидесятитонному куску стали, но в принципе, подумал он, почему бы и нет? Это не могло быть красивым - но она была красавица. Сопящая, смердящая, ворчащая, дымящая - и такая красивая.

- Пока мы идем очень медленно, - втолковывал ему Дик. - Нужно будет погрузить на нее настоящий балласт, и тогда уже можно разгоняться, но к ней быстро прикипает, правда? И вот мы ее достроим, добавим вагонов, и тогда ее будет не остановить.

И вот опять это слово. Этот агрегат, по-хорошему, должен зваться «он», размышлял Гарри, но почему-то «она» засело накрепко.

А потом и без того угрюмый Гарри нахмурился еще сильнее. Этот паренек явно знает, о чем говорит, и он сказал, что машина сможет перевозить людей и грузы... Но кто захочет ехать на таком гроыхающем гиганте?

С другой стороны, вокруг пахло паром, и углем, и машинным маслом - все мужественные, здоровые запахи... Да, он даст им еще немного времени. Скажем, неделю. Уголь ведь стоит сущие гроши, а больше он ни за что не платил. Гарри Король поймал себя на мысли, что он необычайно счастлив. Да, пусть останутся еще ненадолго... И запах был такой хороший, не то что те, с которыми приходилось годами мириться ему и Юффи. Да-да, пусть остаются сколько им будет угодно, лишь бы не расхолаживались. Гарри Король поднял взгляд на неистово мигающие клик-башни и увидел будущее.

Ветер над клик-башнями дул со стороны Пупа, холодный и решительный, и Доре Гае Ласске нравилось думать, что отсюда Диск видно до самого края. Она дорожила такими минутами. Они напоминали ей о детстве, раннем детстве, когда мама подвешивала ее колыбельку на верхушку башни, а сама уходила, оставляя дочь радостно гугукать в нескольких сотнях футов над землей. Мама говорила даже, что первым словом Доры было «сигнатура».

А теперь она любовалась поднимающейся над туманами горой Селести, которая переливалась на солнце, как большая зеленая сосулька. Дора Гая напевала, укрепляя катушки на верхней галерее. Чем дальше от собственного кабинета, тем прекраснее она себя чувствовала. Она даже кабинет отсюда видела. Наверное, отсюда Дора Гая могла бы увидеть все кабинеты, но она налаживала хрупкие мелкие механизмы и любовалась миром, где можно было протянуть руку и коснуться солнца – хотя бы метафорически. Ее грезы прервал один из башенных гоблинов.

– Я несю двадцать катушек и фляжку с кофе, все чисто, я сам лично вымыл чашку. Я. Из Сумерек Темноты, – добавил он с гордостью.

Дора Гая взглянула ему в лицо, полюбить которое мог только целый батальон самоотверженных матерей, но все равно улыбнулась и ответила:

– Спасибо. Должна сказать, ты превосходно акклиматизировался для того, кто провел большую часть жизни в пещере. Поверить не могу, что тебя нисколько не пугает высота. Это не перестает меня удивлять. И еще раз спасибо, кофе и вправду вкусный, и даже остыть не успел.

Из Сумерек Темноты пожал плечами, как умеют это делать только гоблины. В целом возникало впечатление мешка со змеями, пытающимися танцевать.

– Госпожа босс, гоблины привыкли акклиматизироваться. Не акклиматизируешься – не живешь! А внизу все идет хорошо, проблем нет. Гоблинов теперь ух-важают! А как дела у господина Мокрицы?

– Мокриц в полном порядке, и тебе прекрасно известно, что моему мужу не нравится имя, которым вы, гоблины, его наградили. Он говорит, что вы нарочно

его коверкает.

– Нам перестать?

– Нет, что ты! Это будет ему уроком смирения. Хотя тут и курсом университетских лекций не отделаться.

Гоблин понимающе усмехнулся, видя, что Дора Гая старается сдержать смех, а в это время над их головами клики продолжали рассылать сообщения по всему миру.

Дора Гая почти могла считывать их, просто наблюдая за башнями, но для этого была нужна очень быстрая реакция. Гоблины были намного быстрее. И кто бы мог подумать, что у них такой зоркий глаз? С наступлением темноты семафорщики использовали новую расширенную систему цветных заслонок, в которой могли различить четыре, пять, максимум шесть цветов в ясную ночь, но никто не ожидал, что гоблины, только-только выползшие из пещер, сумеют безошибочно отличить даже фуксию от розового, в то время как многие люди даже не знают, как эта самая фуксия выглядит.

Дора Гая еще раз взглянула на Из Сумерек Темноты и утвердилась во мнении, что именно благодаря гоблинам семафорное сообщение стало намного быстрее, точнее и бесперебойнее, чем когда-либо прежде. Но как она могла вознаградить их за такой вклад? Иногда гоблины даже не утруждались забирать свое жалованье. Они любили крыс, а крыс им всегда хватало, но поскольку она все-таки была их боссом[15 - Если можно так назвать человека, которому каждый день приходится подписывать документы, посещать неприличное число встреч по поводу встреч и разбирать даже самую ничтожную корреспонденцию.], Дора Гая считала, что ее должностная обязанность – убедить этих мелких трудоголиков, что в мире есть много других занятий помимо кодирования и расшифровывания кликов.

Ее аж передернуло. Они любили работать и делали это усердно и одержимо, весь день, а если разрешат, то и всю ночь.

Дора Гая знала, что если на двери ее кабинета висит табличка «Босс», то теоретически она и должна заботиться об их благополучии. Проблема в том, что гоблины сами не были в нем заинтересованы. Заинтересованы они были в кодах

и шифрах и отрывались от работы только тогда, когда троллиха привозила из буфета тележку с крысами. Чистая правда! Им не просто нравилось работать – они жили работой. Часто ли боссам приходится обходить все рабочие места и настаивать, чтобы подчиненные прекращали уже работать и расходились по домам? Но нет, гоблины и тогда не расходились, они оставались наверху на своих башнях и во мраке ночи переговаривались по семафору с гоблинами из других мест. Они предпочитали эти разговоры еде и даже спали на башнях, притаскивая туда маленькие соломенные матрацы на случай, если природа все же возьмет свое.

Дора Гая уговаривала членов правления организовать для них фонд в ожидании того дня, когда гоблины и их дети вдруг решат продвинуться дальше в обществе. А ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как выдающиеся музыкальные таланты Слезы Гриба были с фурором продемонстрированы высшему обществу Анк-Морпорка, и гоблинов признали людьми – странными, да, но все-таки людьми. Запах так никуда и не делся, но нельзя же получить все сразу.

Новшества распространялись по Анк-Морпорку, как неприличная болезнь, думал Гарри Король на следующий день, оглядывая участок. Люди заглядывали в ворота и через забор, громким шепотом обмениваясь догадками. Гарри знал своих земляков как облупленных, и все они были ротозеями до мозга костей, рабами новинок и экзотики. Толпа существовала как единый организм: как стая скворцов, они дружно вытягивали шеи, не отрывая взглядов от Железной Ласточки, а та все пыхла, и Дик махал рукой из кабины машиниста, и воздух наполнился копотью и запахом сажи. Однако, думал Гарри, люди дали добро. Не было видно ни возмущения, ни страха. Зверь из ниоткуда, огнедышащий дракон, весь в дыму и горящих угольках, возник среди них, а они усаживали детишек к себе на плечи, чтобы тем было удобнее смотреть, и махали руками, когда паровоз проезжал мимо.

Что за странное волшебство... Он поправился: что за странный механизм добился такого эффекта? Вот оно, чудище, и людям нравится.

«Придется выучить все эти слова, – думал Гарри, выходя из кабинета. – Кабина машиниста, топка, возвратно-поступательно, сернистый молибден[16 - Это кристаллическое соединение черного цвета активно применялось женщинами троллей в качестве антивозрастного крема. Проведя тщательное исследование, Дик Кекс выяснил, что, оказывается, это был очень эффективный смазочный

материал.] – весь этот утомительный и такой увлекательный язык пара».

Заметив, что Гарри за ними наблюдает, Дик Кекс стал мягко замедлять ход Железной Ласточки, пока с еле слышным стуком она окончательно не остановилась. Дик соскочил с подножки и направился к нему, и Гарри увидел торжествующий блеск в его глазах.

– Молодец, – похвалил Гарри. – Но будь осторожен, будь предельно осторожен. Каждую секунду будь начеку. Я видел лица тех, кто жметя носами к моему забору так, что аж рожу плющит. Они заинтригованы, а когда люди заинтригованы, они тратят денежки. Главное в любом бизнесе – разобраться, кто получит эти денежки. Вот так, сынок, вокруг тебя дикие джунгли, а я не то что мультимиллионер, я намного дороже. И мне ли не знать, что рукопожатия могут быть сколь угодно теплыми и дружественными, но когда речь идет о деньгах, без законников нельзя ступить и шагу, я это знаю, потому что я в этих джунглях горилла! Так что, давай называй мне имя своего поверенного, и мой законник свяжется с ним, чтобы перетереть это дело как законник с законником и подсчитать гонорар. Никто не посмеет сказать, что Гарри Король обобрал юнца, который укротил пар. Денег до поры до времени я тебе дам, не сомневайся, потому что я верю, что эта твоя машина открывает реальные перспективы, огромные перспективы. Меня ты заинтересовал, а когда об этом прознают газеты, ты заинтересуешь всех.

Дик пожал плечами и сказал:

– Что ж, господин Гарри, я так рад, что ты даешь мне шанс. Я согласен на любые условия.

Гарри Король буквально взревел:

– Нет, нет, нет! Ты мне симпатичен, очень даже симпатичен, но бизнес – это... короче, бизнес есть бизнес! – Лицо Гарри побагровело от злости. – Нельзя просто так брать и говорить людям, что ты согласен на любые условия! Торгуйся, сынок. Не лови ворон! Торгуйся. Жестко торгуйся.

Последовала пауза, а потом юноша ответил:

– Господин Король, перед тем как я решил поехать в Анк-Морпорк, я обсудил все со своей матушкой, а она у нас женщина прозорливая – да и нельзя иначе, когда батя мой сейчас витает себе в эфире, если ты меня понимаешь. И вот она мне сказала: «Если кто захочет делать с тобой дела в большом городе, Дик, строй из себя дурачка и смотри, как с тобой будут обращаться. Если к тебе отнесутся как надо, хоть ты и дурачок, таким людям, скорей всего, можно доверять. А потом можешь показать, какой ты на самом деле умный». А ты, господин, сдается мне, человек порядочный. Так что я прямо сейчас пойду и найду себе законника. – Он замешкался. – Э... а где тут найти законника, которому можно доверять? Я, наверное, не такой умный, каким себя считаю.

Гарри Король от души рассмеялся:

– Сложный вопрос, сынок, да я и сам, такое дело, хотел бы знать на него ответ. Мой друг Наверн Чудакулли из университета буквально вчера посоветовал мне одного законника, такого, мол, надежного, что твой лом. Пусть твои ребята и дальше демонстрируют Железную Ласточку толпе, а мы с тобой вместе поедем, хоть моя карета и меркнет по сравнению с твоим-то транспортом, да? Да! Ну что, поехали?

В Гильдии Законников Гарри Король и Дик Кекс познакомились с господином Громоглассом, на удивление большим – и на удивление троллем. Троллем с голосом, подобным ласковому бурлению лавы.

– Вы наверняка пожелаете ознакомиться с моим послужным списком, господа. Я член Гильдии Законников Анк-Морпорка и служил у господина Кривса, – объявил Громогласс. – Помимо практики в Анк-Морпорке, я единственный тролль, который аккредитован как законник во владениях короля-под-горой. К слову, я также прихожусь племянником алмазному королю троллей, хотя, разумеется, нужно уточнить, что в отношении тролльих кланов банальное «племянник» сути не отражает.

У него был профессорский голос – как если бы профессору вздумалось вещать в пещере с гулким эхом. Черты лица его более или менее походили на черты всех троллей, но если присмотреться, можно было заметить тонкую камнетесную работу, буйство растительной жизни в видимых глазу углублениях и не в последнюю очередь этот приглушенный блеск, даже мерцание, которое

деликатно играло на свету, не бросаясь нахально тебе в глаза, но неоспоримо присутствующее.

– И да, я насквозь состою из алмаза, так что врать не могу под страхом расколоться вдребезги. И я даже не намерен пытаться. Из ваших слов, господа, я так понял, что вы солидарны друг с другом, никто не желает оставить другого в убытке, и вы оба хотите действовать честно по отношению друг к другу. При данных обстоятельствах, как бы ни возражали против такого подхода мои коллеги, я готов предложить свои юридические услуги вам обоим и выступать в качестве посредника. Правосудие у троллей исключительно прямолинейное – как бы мне хотелось, чтобы так было повсюду. И если между вами произойдет конфликт, я не стану работать ни на кого из вас.

Громогласс улыбнулся, и комнату усыпал фейерверк крошечных солнечных зайчиков.

– Я составлю небольшой документ, который в иных местах может быть назван соглашением о согласии. И я буду выступать судьей на стороне не кого-то одного, но вас обоих. Я алмаз, и я не могу позволить воцариться несправедливости. Я предлагаю вам, господа, продолжать работу над вашим замечательным, на мой взгляд, проектом и предоставить бумажную волокиту мне. С нетерпением жду встречи с вами обоими завтра на участке.

Гарри и Дик молча ехали в карете, пока Дик не сказал:

– Он ничего, правда? Для законника.

Ко времени, когда они вернулись во владения Гарри Короля, гоблин Билли Смальц, который работал на Гарри уже много лет, был весь в мыле – правда, он этого не знал, так как не знал о его существовании – и уже поджидал у ворот, когда карета подъехала.

Он истерично выпалил:

– Я запер ворота, господин Гарри, но они куда угодно влезут, чтобы увидеть это... это... эту штуку! Я им твержу, что у нас тут не цирк.

Уже сгущались сумерки, но наблюдатели все еще не отводили глаз от Железной Ласточки, которая кружила по рельсам, пока команда Дика совершала заведенный ритуал, разбрасывая искры в сумерках, словно сообщая вселенной, что пар не собирается никуда пропадать. И когда большая часть зевак нехотя побрела домой ужинать, на участок прокрались несколько гоблинов Гарри, чтобы поглазеть на чудо века. Они и вправду крались, заметил Гарри, не как воришки, а просто потому, что тело среднестатистического гоблина появлялось на свете уже крадучись. В ту минуту они кружили вокруг Железной Ласточки, и механикам приходилось прилагать массу усилий, чтобы тощие гоблинские пальцы не лезли куда не надо.

Железная Ласточка время от времени выпускала облако пара, и все это время в сумерках Гарри слышал отрывистые голоса гоблинов, которые допытывались у механиков: «Господин, что эта штука делает, господин?», «Что будет, если я нажму здесь, господин?», «А, вижу, господин, это соединяется с обмоткой трубы».

Гарри и Дик присоединились к Дэйву и Уолли, которые стояли у Ласточки и отвечали на вопросы, градом сыпавшие со всех сторон. Гарри удивился, когда увидел, что ребята улыбались гоблинам счастливыми улыбками и вовсе не собирались на них жаловаться.

– Они все понимают! Во как! – воскликнул Уолли. – Все им интересно знать! За ними глаз да глаз нужен, но они все схватывают еще до того, как им объяснишь, представляешь?

И Гарри изумлялся. Ему нравились эти мелкие шkodники – любому работодателю понравятся трудолюбивые работники, – но откуда у гоблинов понимание парового двигателя? Должно быть, что-то у них в крови. Их скукоженные миниатюрные физиономии перекашивались от улыбки при виде чего-то железного и сложного. Примета времени, подумал Гарри, и, похоже, это было время гоблинов.

Дик помолчал с минуту, как будто разогреваясь для следующей мысли, а потом сказал, очень осторожно:

– Можно подумать, они рождены для этого!

– Не скажу, что это меня удивляет, Дик, – заметил Гарри. – Семафорщики говорят то же самое. Кажется невероятным, но гоблины на лету схватывают устройства механизмов, так что смотри в оба: они любят разбирать все на детальки, просто чтобы посмотреть, как это устроено. Зато когда поймут, сразу соберут обратно. Никакого злого умысла, просто им нравится во всем быть впереди, и знаешь, иногда они даже делают лучше, чем было. Ума не приложу, чем это объяснить. Но на твоём месте я бы уложил кого-то на ночь под Железной Ласточкой, чтобы гоблины не распускали руки.

На следующее утро Мокрица вежливо разбудил Кроссли, который до сих пор не усвоил глубины отношений своего хозяина со сном. Мокриц не преминул напомнить ему об этом, переворачиваясь на другой бок. Он сказал:

– Брмл брмл грррм брмл ммн брмл вон!

Дворецкому пришлось повторить процедуру тремя минутами позже и получить тот же ответ, только на сей раз последнее слово было интонационно выделено и повторено трижды со все возрастающей громкостью.

Затем – если быть точным, ровно пятнадцать минут спустя – Мокрица фон Липвига вырвали из объятий Морфея отнюдь не деликатным тычком меча, принадлежащего стражнику из анк-морпоркской дворцовой стражи (подвид человека, который Мокриц и без того не слишком жаловал за их флегматичность и тупость). Да, то же можно было сказать и о половине Городской Стражи, но их тупость, по мнению Мокрица, в общем и целом была изобретательной и даже комичной, так что с ними проводить время было куда интереснее. С ними можно было заговорить и быстро сбить с толку, тогда как дворцовая стража... Эти только и умели, что тыкать мечами, причем с большим знанием дела. Мокриц принял взвешенное решение не доставлять им лишних хлопот, а потому, будучи прекрасно знакомым с процессом, угрюмо оделся и отправился с ними во дворец, где, по всей видимости, его ждала аудиенция с лордом Витинари.

Патриций, вопреки обыкновению, не был занят бумагами, но изучал что-то на большом полированном столе, который занимал половину Продолговатого кабинета. Он во что-то играл. Казалось бредом, но нельзя было отрицать: Витинари внимательно следил за детской игрушкой, миниатюрной тележкой или вагончиком, на миниатюрной железной дороге. Игрушка, дребезжа, безостановочно нарезала круги с неясной на первый взгляд целью. Мокриц громко откашлялся, и патриций выпрямился.

– А, господин фон Липвиг. Как любезно с твоей стороны почтить нас своим присутствием... в конце концов. Скажи мне, что ты об этом думаешь?

Мокриц, слегка ошеломленный, ответил:

– Это похоже на детскую игрушку, сэра.

– На самом деле это искусная модель чего-то большего и опасного, – лорд Витинари повысил голос, обращаясь как будто не только к Мокрицу, но ко всему свету. – Кто-то скажет, что мне не составило бы труда это предотвратить. Бесшумно вонзенный клинок здесь, подсыпанный в вино яд там – и многие проблемы решились бы в мгновение ока. Вооруженная дипломатия – дело, конечно, прискорбное, зато не подлежит обжалованию. Кто-то решит, что я недосмотрел и, халатно отнесшись к собственным обязанностям, позволил отраве просочиться в человеческое воображение и необратимо изменить мир. Да, я мог бы принять меры, еще когда впервые увидел рисуночки, подозрительно похожие на эту игрушку, у Леонарда Щеботанского на полях его картины «Графиня Кватро Формаджи за туалетом», но нет, я скорее уничтожу ценнейшую в мире античную вазу, чем позволю упасть хоть одному волоску с этой бесконечно полезной и почтенной головы. Я думал, все кончится так же, как и с его летательными аппаратами, останется не более чем игрушкой. А теперь вот до чего дошло. Никогда нельзя доверять изобретателям. Они придумывают самые ужасные вещи из чистой любви к процессу, бездумно, безответственно, и откровенно говоря, я бы предпочел посадить их на цепь где-нибудь там, где они не смогут никому навредить, – здесь лорд Витинари взял паузу и продолжил: – И незамедлительно так бы и поступил, господин фон Липвиг, если бы эти проклятые существа не были так полезны.

Он вздохнул, и Мокриц невольно забеспокоился. Никогда он не видел его светлость в таких расстроенных чувствах. Патриций все не сводил глаз с тележки, которая так и ездил по кругу и наполняла кабинет запахом метилового спирта. В этом было что-то гипнотическое. Во всяком случае, для лорда Витинари.

Тихо и зловеще на плечо Мокрица опустилась рука. Он резко обернулся и увидел перед собой слегка улыбающегося Стукпостука.

– Советую сделать вид, что ты ничего не слышал, – прошептал секретарь. – Когда он находится в... кхм, меланхолии, так лучше всего, поверь. Конечно, во многом тут виноват кроссворд. Ты же знаешь, как он к ним относится. Придется лично написать редактору. Его светлость считает элегантно решение головоломки проверкой собственной состоятельности. Кроссворд должен быть увлекательной и познавательной загадкой. – Его розоватое лицо густо покраснело, и Стукпостук добавил: – Уверен, кроссворды не должны становиться пыточным орудием, и уж точно нет такого слова – «могарыч». Однако у его светлости восхитительные способности к реабилитации, так что если подождешь, пока я сварю тебе кофе, он наверняка придет в себя прежде, чем ты успеешь сказать «смертный приговор».

В итоге лорд Витинари простоял, уставившись в стену, всего восемь минут, после чего стряхнул с себя оцепенение. Он широко улыбнулся Стукпостуку и, уже менее радостно, отметил присутствие Мокрица, который искоса поглядывал на незавершенный кроссворд, разложенный прямо посреди стола.

– Милорд, – сказал Мокриц уверенно и с самыми чистыми помыслами, – вы наверняка знаете, что слово «магарыч» пишется совсем иначе. Это мысли вслух, конечно, просто я хотел помочь, сэр.

– Да. Я понимаю, – ответил лорд Витинари мрачно.

– Могу ли я еще чем-то вам помочь, милорд? – спросил Мокриц, понимая, что его выволокли из постельки не из-за кроссворда и не за тем, чтобы показать детскую игрушку.

Лорд Витинари сосредоточил взгляд на Мокрице и ледяным тоном произнес:

– Поскольку ты наконец соизволил присоединиться к нам в эти трудные времена, господин фон Липвиг, я расскажу тебе, что жил однажды человек по имени Нед Кекс, который изготовил механическое устройство для сбора урожая, приводимое в движение самым загадочным образом. Наши нынешние проблемы вполне могли начаться уже тогда, но, к счастью, его устройство не сработало, проявив склонность к самовозгоранию, так что равновесие в мире удалось сохранить. Но конечно же, изобретатели, которые не могут без каких-нибудь железяк, продолжали ковыряться в них по своим амбарам. Но это еще не все. Они находили барышень, разумных хороших барышень, которые непостижимым

образом соглашались выйти за них замуж и нарожать им детей, тем самым продолжая и множа род изобретателей. Один из них, отпрыск вышеупомянутого Кекса, точно так же ковырялся в отцовской мастерской и наверняка задавался вопросом, а сможет ли он, со своей безудержной любознательностью, добиться того, что, увы, не удалось его отцу. И теперь этот юноша построил машину, которая поглощает дрова и уголь, исторгает огонь, коптит небо, наверняка вселяя страх во все живые существа в радиусе многих миль, и производит богомерзкий шум. Мне так рассказывали. И вот, юный господин Кекс нашел способ встретиться с нашим старым другом Гарри Королем. И, по всей видимости, вдвоем они замыслили предприятие, которое называется, если не ошибаюсь... железная дорога. – Витинари умолк совсем ненадолго и тут же продолжил: – Господин фон Липвиг, я чувствую, что будущее поджигает, и в эту ответственную минуту остается или быть раздавленным, или возглавить его. У меня на это нюх, господин фон Липвиг, наверняка ты понимаешь, о чем я. Так что я намерен взять пример с обитателей Четвертого континента и оседлать волну будущего. Подогнать его немного под свой размер, тогда с ним можно будет работать. Мое чутье говорит мне, что эта самая железная дорога, которая представляется нам проблемой, может стать ее блестящим решением.

Мокриц посмотрел на сумрачное лицо патриция. Тот произносил слова «железная дорога» с такой интонацией, с какой пожилая герцогиня могла бы объявить, что нашла нечто непотребное в своем супе. Он был весь окутан аурой презрения. Но если рассматривать настроения лорда Витинари как погоду (а Мокриц был экспертом по метеорологии патриция), то легко можно было заметить, что зачастую метафизический проливной дождь очень скоро превращался в погожий летний денек. Мокриц буквально носом чувствовал, как патриций смиряется с представшей ему действительностью: перемены в мимике и осанке сменяли одна другую – и вдруг лицо Хэвлока Витинари озарилось такой улыбкой, что Мокриц понял: игра началась, и в голове лорда Витинари как по маслу закрутились шестеренки.

С каждым словом все приободряясь, Витинари сказал:

– Моя карета ждет внизу, господин фон Липвиг. Иди за мной.

Мокриц знал, что какие-либо возражения тут бесполезны, так же как знал, что и лорд Витинари это знает. Но у него еще оставалась гордость, поэтому он сказал:

– Милорд, я вынужден отказаться! У меня много работы. Вы же понимаете!

Лорд Витинари уже был у двери, край его мантии развевался за спиной, как парус. Он был долговяз, и Мокрицу пришлось бежать, чтобы поспевать за ним, иногда перепрыгивая по две ступеньки за раз. Стукпостук следовал за ними.

Патриций сказал через плечо:

– Господин фон Липвиг, нет у тебя никакой работы. Ты же главный почтмейстер, заместитель председателя Королевского банка Анк-Морпорка[17 - Стоит отметить, что непосредственным председателем был Шалопай, гав-ный председатель.], не говоря уже о распорядителе Монетного двора, в твоём подчинении состоит множество умнейших людей, у которых, в свою очередь, работы много, тут не поспоришь. Твое странное чувство локтя, твой талант нравиться людям с первой встречи и вопреки всем доводам рассудка продолжать им нравиться, что вообще поразительно, делают тебя отличным начальником, отдаю тебе должное, и твои подчиненные тебе очень преданы. Но в конечном итоге все, что тебе нужно делать в плане кабинетной работы, – это время от времени устраивать небольшие проверки.

Лорд Витинари ускорил шаг и продолжал:

– И какой можно сделать из этого вывод, не слышу я твоего вопроса? Я отвечу. Мудрый человек сделал бы вывод, что хорошему начальнику не жалко оказать любую услугу, а я, господин фон Липвиг, образцово-показательный и великодушный начальник. Это следует из того обстоятельства, что твоя голова все еще крепко держится на плечах, а ведь могла бы быть совсем в другом месте.

Страна Лламедос с гордостью называла себя умеренно гномьей. Вообще-то в Лламедосе проживало примерно столько же людей, сколько и гномов, но, поскольку большая часть его обитателей работала в шахтах, они были или низкорослы, или страдали чуть ли не хроническим сотрясением мозга, так что приходилось внимательно присматриваться, чтобы различить две расы между собой. И потому как почти все были примерно одного роста, в тех краях царила дружеская обстановка, особенно когда богиня любви сделала так, чтобы ее чары действовали на всех без разбора – хотя об этом обычно не распространялись. А поскольку об этом не распространялись, то... об этом не распространялись, и жизнь шла своим чередом, с добычей золота (последних его остатков),

железных руд вроде цинка и мышьяка (которые приходилось буквально выжимать из неподатливых камней), ну и, конечно, угля. Все это дополнялось рыбной ловлей на побережье. Внешний мир вторгался изредка, только когда происходило что-то по-настоящему важное.

Но так было вчера. Сегодня важное случилось.

Корабль причалил в Пант-а-Лон, крупнейший ламедосский город, вскоре после обеда. Наличие на борту грагов, которые явились, чтобы проповедовать идею истинного гномства жителям города, было бы встречено радушнее, если бы вместе с ними не прибыли глубинники, ударные силы грагов, которые доселе никогда не выглядели из-под земли. До той поры жителей Ламедоса вполне устраивало, что граги занимались своими делами в области духовной жизни и рассуждений об оной и следили за ее соблюдением, предоставляя остальным заниматься пустяками, такими как рудники, рыбалка и каменоломни в горах.

Но сегодня все пошло катастрофически наперекосяк, потому что Блодвен Щелкоступ выходила замуж за Дэви Кантера, первоклассного шахтера и рыбака, а главное, человека, хотя важность этой детали не казалась местным жителям такой уж, собственно, важной. Почти все в Пант-а-Лоне знали их обоих и считали подходящей парой, в первую очередь потому, что те знали друг дружку с пеленок. И пока они росли, люди, по своему обыкновению, гадали, каковы шансы, что гном и человек смогут зачать ребенка, и считали это крайне маловероятным, но затем утешались разговорами о том, что уж любви-то между ними через край, и в конце концов, кого, кроме них, это касается? Блодвен и Дэви подходили друг другу и любили друг друга. А шахты и море унесли немало жизней шахтеров и рыбаков, и в городе было полно сирот, искавших новый дом в родной стране. И все в Пант-а-Лоне сходились во мнении, что такая ситуация, пускай и не идеальная, вполне устраивала тех, кто не совал нос в чужие дела, и земляки поздравляли счастливых влюбленных, которые, надо отметить, были практически одного роста, и желали им всего наилучшего.

Но увы, граги и глубинники считали иначе, и они снесли двери часовни, а поскольку ламедосцы не ходили на свадьбы вооруженными до зубов, граги все повернули по-своему. Могла бы случиться настоящая бойня, если бы старик Ффлергюнт, сидевший до тех пор незамеченным в уголке, не сбросил свой плащ, когда все ринулись в укрытие, и не оказался тем самым гномом, который ходит на свадьбы вооруженным до зубов.

Он замахнулся тяжелым мечом и топором одновременно в феерически сокрушительном дуэте, закружилась драка, и в итоге среди участников свадебной церемонии жертв было всего две. К сожалению, одной из них оказалась Блодвен, убитая грагом, но так и не выпустившая руки мужа.

Покрытый кровью, Ффлергюнт обвел взглядом перепуганных гостей и сказал:

– Вы все меня знаете. Я не люблю смешанных браков, но, как и вы, я вовсе не выношу этих чертовых грагов, ублюдки! Чтоб им обвалиться!

Карета лорда Витинари петляла по улицам Анк-Морпорка, и Мокриц наблюдал за дорожной суетой вокруг, пока они не достигли речных ворот и не выехали за пределы города. Карета быстро помчалась по дороге, протянувшейся вдоль берегов Анка, по направлению к промышленной зоне Гарри Короля – миру паров, дымов, а главное, сомнительных ароматов.

Анк-Морпорк приводил себя в порядок. Работы было непочатый край: пикантные запахи, эпидемии, потопаы и прочие увеселения. Но анк-морпоркский доллар вырос до небес, а вместе с ним и цены на недвижимость. Удивительно, как много людей хотели жить в Анк-Морпорке, а не в каком-нибудь другом месте (ключевое слово – жить, а не умереть в Анк-Морпорке, что всегда было доступной альтернативой). Но все понимали, что город стянут тугим каменным корсетом, и никому не хотелось оказаться поблизости, когда шнурок, образно выражаясь, лопнет.

Город выплескивался из берегов, да еще как! Фермерские уголья за пределами города всегда процветали, а сейчас изобиловали спекулятивными проектами[18 - Термин, означающий, что строитель спекулирует на том, как далеко он успеет убежать и с какой суммой денег, прежде чем заказчик обнаружит, что подпоры ничего не подпирают, отстойник закопан на один фут и заваливается на бок, а кирпичи обязаны своим существованием самому естественному и бесценному из всех стройматериалов – коровьему навозу. Процесс обычно начинается с планирования (во всех смыслах слова). Строились целые районы под обманчивыми названиями вроде Соловьинной рощи или Подсолнечных садов, где соловей ни разу не пролетал, а подсолнух не распускался, но тем не менее они выставлялись на продажу компанией Внекаторомродедвижимости СРБН Достабля и партнеров, у которой дела шли вовсю.]. Это была дивная игра, и Мокриц в прежней своей жизни несомненно вступил бы в ряды играющих и наварил себе состояние и даже несколько. И действительно, пока лорд Витинари

смотрел из окна, Мокриц слушал песни сирен, заманчиво поющих о золоте, которое может заработать подходящий человек в этом – таком подходящем – месте, и чарующий мираж на одно соблазнительное мгновение возник перед его взором.

Анк-Морпорк стоял на суглинках, которые легко копать, так что, если коровий навоз заканчивался, материал для кирпичей валялся прямо под ногами, а пиломатериалы можно было запросто достать у гномов, которые брались сплавить их на стройку по реке. И совсем скоро у тебя на руках был готовый поселок новеньких чистеньких домиков, доступных для увеличивающегося в численности и переполненного амбициями населения. Все, что было нужно дальше, – это привлекательный плакат и, главное, план побега.

Карета проезжала мимо множества таких построек, которые наверняка покажутся маленькими дворцами своим будущим хозяевам, вырвавшимся с Куроносной улицы и с Поросячьего холма и из прочих районов, где люди все еще грезили, что могут «устроиться лучше» – достижение, которого якобы можно добиться, заимев в один прекрасный день «свой угол». Это была вдохновляющая мечта, если не вникать в такие слова, как закладная, и выплаты по кредитам, и изъятие, и банкротство. Поэтому низший средний класс Анк-Морпорка, который считал, что по нему топчутся представители верхнего класса и что его обирают представители нижнего, выстраивался в очередь с одолженными денежками, чтобы по кусочку купить себе свой собственный Ой-Донг[19 - Ой-Донг во многом был похож на Шангри-Ла.]. Карета с грохотом проезжала мимо поселков, вкуче получивших название Подморкпорк, и Мокриц гадал, сглупил ли Витинари, позволив колонизировать эти земли подобным образом, или наоборот, поступил очень умно. Мокриц поставил бы на «умно». Это была безопасная ставка.

В конце концов они подъехали к первому пропускному пункту у ворот сложно устроенного, смердящего (зато сказочно прибыльного), огороженного провололочной сеткой участка Гарри Короля, оборванца с помойки, который стал богатейшим человеком в городе.

Мокрицу Гарри был очень симпатичен, и они порой подмигивали друг другу, узнавая друг в друге людей, которые добились всего сложным путем. И Гарри Король действительно пришел к славе сложным путем, а те, кто вставал у него на пути, сложным путем летели вниз.

Большая часть территории была заполнена продуктами зловонного бизнеса Гарри Короля, конвейерные ленты поднимались и опускались страшно подумать куда и откуда, а гоблины и вольные големы помогали их грузить и разгружать. Мимо сновали лошади с повозками, нагруженные новым «зерном» для этой мельницы. В дальней зоне участка стояло несколько больших сараев, а перед ними – полоса неожиданно чистого пространства. Тут Мокриц заметил за забором толпу, жмущуюся к каждому дюйму сетки, и почуял их возбуждение.

Карета остановилась, и он почувствовал едкий запах угольного дыма, прорывающийся сквозь общее зловоние, и услышал звук, наводящий на мысль о драконе, страдающем бессонницей, какое-то ритмично повторяющееся пыхтение, а потом вдруг – вопль, как будто самый большой в мире чайник вдруг очень, очень рассердился.

Лорд Витинари похлопал Мокрица по плечу и сказал:

– Сэр Гарри уверяет меня, что эта штука совершенно безвредна, если обращаться с ней осторожно. Не хочешь составить мне компанию и посмотреть? Только после тебя, господин фон Липвиг.

Он кивнул в сторону барачков, и, когда Мокриц с патрицием подошли ближе, запах дыма стал гуще, а почти текучее пыхтение – громче. «Видимо, это какой-то механизм, – подумал Мокриц, – что же еще? Просто что-нибудь вроде часов, да, обыкновенный механизм». И он расправил плечи и бесстрашно (ну или так это должно было выглядеть со стороны) пошел вперед, к дверям, где чумазый юноша в промасленной фуражке и еще более промасленном комбинезоне приветствовал его лукавой усмешкой, как лисица, примеривающаяся к цыплятам. Судя по всему, их ждали.

Выскочил вперед Гарри.

– Приветствую вас, милорд... и господин фон Липвиг. Прошу, входите и познакомьтесь с моим новым партнером, господином Диком Кексом.

Позади них в бараке стояло дрожащее железное чудовище, и оно было живое. Оно в самом деле было живое! Эта мысль сразу же прочно засела в голове Мокрица. Он чувствовал его дыхание и слышал голос. Да, жизнь... необычная форма жизни, но все-таки в каком-то роде жизнь. Это была живая вещь, и каждая ее

частичка заметно подрагивала и шевелилась, почти танцуя, замерев в нетерпении.

Позади чудища в бараче он увидел вагоны, видимо, готовые к буксировке, и подумал: точно, это железная лошадь. Вокруг нее сновали помощники: они вытачивали что-то на токарных станках, стучали молотками по железу, сновали туда-сюда с ведрами машинного масла и банками мазута, и порой с какими-то дощечками, которые смотрелись не к месту среди всего этого металла. И вокруг стояло крепкое ощущение, говорившее: мы хотим сделать это, и мы хотим сделать это немедленно.

Дик Кекс широко улыбнулся под густым слоем сажи и сказал:

– Здравствуйте, господа. Ну, вот она! Да вы не бойтесь! Зовут ее, строго говоря, «номер первый», но я зову ее Железной Ласточкой! Это моя машина. Все детали тут сделаны моими руками: гайки, болты, фланцы и даже все до единого винтики. Тысячи штук! И всю работу по стеклу сделал. Вот смотровые оконца, вот измерительные приборы – очень важное дело. Мне все самому пришлось проектировать, потому что до меня этого никто не делал.

– А если поставить ее на рельсы, она сможет увезти груза больше, чем целая рота троллей, и доставит на место гораздо быстрее, – ввернул Гарри из-за плеча Мокрица. И добавил: – Это правда. Клянусь, юный Дик корпит над Железной Ласточкой постоянно: ковыряется и ковыряется, каждый день все до последнего винтика осмотрит. – Он засмеялся. – Не удивлюсь, если однажды она у него полетит.

Дик вытер руки грязной тряпкой, от чего они перепачкались еще сильнее, и протянул одну из них лорду Витинари, который вежливо отмахнулся и сказал:

– Я бы предпочел, чтобы ты имел дело с господином фон Липвигом, господин Кекс. Если я разрешу вам продолжать этот занимательный... эксперимент, отчитываться будете в первую очередь перед ним. Лично я дорожу своим неведением в области механики, хотя прекрасно понимаю, что для некоторых это представляет огромный интерес, – добавил патриций тоном, намекающим, что он имел в виду людей странных и загадочных... занятых, увлеченных, дотошных, кропотливых и взрывных. Таких людей, которые порой говорят невинные вещи, вроде: «А давай попробуем, какой от этого вред? В случае чего

спрячемся под столом».

– Мой интерес, – продолжал лорд Витинари, – вызывают средства и способы, возможности, риски и последствия. Я понятно выражаюсь? Мне объяснили, что твой удивительный мотор приводится в движение паром, нагретым до состояния, когда котел почти взрывается, но не совсем. Это так?

Дик радостно усмехнулся:

– В общих чертах так оно и есть, шеф, я и взорвал пару-тройку, пока экспериментировал, мне не стыдно признаться! Но теперь-то, сэр, мы все сделали как надо. Предохранительные клапаны! Вот в чем соль! Свинцовые предохранительные клапаны с втулками, чтоб плавилась, когда топка перегревается, и тогда туда льется вода и тушит огонь, прежде чем котел взорвется. Открытый пар, ясное дело, штука опасная для тех, кто в нем не разбирается, но, шеф, для меня он все равно что ласковый щеночек. Сэр Гарри позволил нам построить демонстрационные рельсы, – сказал он и показал на колею, выходящую из барака и делающую круг по периметру участка. – Могу я предложить вам прокатиться, господа?

Мокриц повернулся к Витинари и сказал с бесстрастным видом:

– Да, как насчет прокатиться... шеф? – на что получил в ответ острый как клинок взгляд, обещавший: об этом мы еще поговорим.

Витинари повернулся к Дику:

– Благодарю, господин Кекс. Но, боюсь, я не смогу составить вам компанию, будучи, э, шефом целого города. Кроме того, государственные дела не могут ждать, даже ради вашей чудесной машины. Впрочем, господин фон Липвиг наверняка не откажется. И осмелюсь предположить, что Стукпостук с радостью составит ему компанию.

Сказано это было бодро, но по лицу Стукпостука нельзя было сказать, что его прельщает такая перспектива, да и Мокриц, положив руку на сердце, был не в восторге: он слишком поздно вспомнил, что как раз надел новый дорогой сюртук.

Мокриц поинтересовался:

– Господин Кекс, если не сложно, объясни, почему твоему механизму нужны эти рельсы, чтобы ехать?

Дик Кекс улыбнулся щедрой улыбкой человека, которому очень хочется говорить о своем распрекрасном чудо-проекте и который, будь у него такая возможность, довел бы каждого встречного до отчаянной скуки, а в отдельных случаях и до самоубийства. Мокриц знал таких людей: полезные и дружелюбные сами по себе, совершенно беззлобные, но все-таки потенциально небезопасные.

И прямо сейчас Дик Кекс, довольный как слон и закопченный как шашлык, на полном серьезе начал рассказывать:

– Ну как, пару ведь нравится, чтобы машина ехала гладко, а за городом сплошные ямы и пригорки. К тому же пар с железом тяжелые. Мы еще дома в Швайнетауне это все обдумали и решили, что куда логичнее будет проложить рельсовое полотно – это такая дорога из железных линий, рельс то есть, специально, чтобы по ней бегал наш локомотив.

– Паровоз звучит гораздо лучше, – заметил Гарри. – Я все твержу этому парню: пусть будет ясно и по делу, такие слова народ запоминает. Как можно рассчитывать, что люди захотят ездить на чем-то таком, что они и произнести не умеют.

Дик просиял, и его добрая улыбка вдруг как будто осветила собой все вокруг.

– Ну вот, Железная Ласточка на мази, на пару и разогрета специально для вас, господа. Кто хочет прокатиться?

Стукпостук не проронил ни звука, продолжая тарашиться на покрытый испариной механизм, точно в ожидании своего смертного часа. Мокриц в кои-то веки проникся состраданием к маленькому секретарю и не то затащил его, не то помог забраться в небольшую открытую кабину на носу металлического чудища, пока Дик возился с приборами, постукивая по загадочным медным и стеклянным штукам, а огонь в животе чудища жарко горел и наполнял пространство еще большим количеством дыма.

Внезапно в руке у Мокрица оказалась лопата – Дик всучил ее так быстро, что Мокриц даже не успел отказаться. Инженер усмехнулся и сказал:

– Будешь за кочегара, господин фон Липвиг. Когда понадобится ее растопить, я дам тебе знать, и ты откроешь топку. Ух, и весело будет!

Дик перевел взгляд на растерянного Стукпостука и продолжал:

– Ага, а с тобой, господин, мы вот как поступим. Будешь давать гудок – для этого надо дернуть вон ту цепочку. Так вот, господа, это у нас рабочий прототип, удобств пока нет, но вы держитесь, и все будет в порядке, главное, голову не высовывайте слишком далеко. Сегодня мы тянем порядочный груз. Сэр Гарри хотел посмотреть, из какого мы теста, так что, это, господин Стукпостук, гудок, пожалуйста!

Стукпостук безмолвно дернул за цепь и содрогнулся, когда из мотора вырвался крик банши. А потом – потом, показалось Мокрицу, не было ничего особенного... один «чух», один рывок, еще «чух-чух», еще рывок, еще «чух», и вдруг они пришли в движение и стали набирать скорость, как будто хвост Железной Ласточки пытался вырваться вперед.

Мокриц оглянулся и сквозь клубы пара посмотрел на груз, который они волокли за собой в скрипящих вагонах. Он как будто сам почувствовал этот вес. А паровоз все набирал скорость и разбег. Дик невозмутимо постукивал по приборам и двигал рукоятки, и вот впереди показался поворот, и поезд запыхтел, и все вагоны один за другим, как утята, следующие за мамой-уткой, вписались в этот поворот, немного постанывая и скрипя, но оставаясь единым движущимся организмом.

Мокрицу было не впервой путешествовать на высокой скорости. Да, лошадь-голем, это редкое создание, с легкостью обошла бы их сейчас. Но этот механизм был создан человеческой рукой: колеса, гайки, медные ручки, приборы, клапаны, пар и хрипящая топка, рядом с которой сейчас стоял Стукпостук, замороженно дергая цепочку гудка, словно выполняя священный долг, – и все непрерывно тряслось и дрожало в этом раскаленном докрасна дурдоме на колесах.

Показались лорд Витинари и Гарри – поезд несся прямо на них, завершая первый круг, – и скрылись за спиной у Мокрица в клубах дыма и пара, повисших в

воздухе. И пока Железная Ласточка продолжала рассекать пространство, на Мокрица вдруг снизошло осознание, что это было не волшебство, но и не грубая сила – это была изобретательность. Уголь, железо и вода, пар и дым, слитые в божественной гармонии. Он стоял в жгучем жару кабины с лопатой в руках, глядел на все это и думал о будущем. Сцепленные вагоны прогромыхали еще один круг, слегка взвизгнув на втором повороте. Потом металл испустил утомленный стон, и паровоз проскользил по рельсам до полной остановки в нескольких шагах от наблюдателей, перед самым гаражом Железной Ласточки.

Дик засуетился и закрутился, отключая одни штуки и закручивая другие, когда чудо-машина затормозила. Не затормозила, поправил себя Мокриц, она заснула, но все еще капала водой и сопела паром и каким-то невероятным образом была совершенно живой.

Кекс соскочил с подножки на самодельную деревянную платформу, взглянул на свой огромный секундомер, проверил датчики и объявил:

– Недурно, но здесь никак не получится раскочегарить ее как следует. На экспериментальной колее в Швайнетауне я разогнал ее почти до семнадцати миль в час и готов поклясться, что она могла бы ехать намного быстрее, если бы только проложить путь подлиннее! И как она славно шла, правда же, господа? И с таким-то грузом, несколько тонн, – последнее было обращено к коллегам-инженерам.

– А это еще что? – Дик кивнул на оборванного глазастого мальчишку, который как из-под земли вырос возле полотна. Дик с серьезным видом наблюдал, как оборванец извлек из кармана крошечную записную книжку и сосредоточенно внес туда цифру 1 – как будто отдавал блокноту команду.

А Мокриц почему-то не смог удержаться от замечания:

– Отлично подмечено, молодой человек, но знаешь что? Думается мне, что с такими темпами тебе понадобится книжка побольше.

В этот момент Мокрица охватила уверенность в будущем. Пусть Витинари оставался невозмутим, зато лица Гарри Короля и некоторых зрителей сияли в дымном свете грядущего. За забором уже собралась плотная толпа, люди тянули шеи, чтобы получше рассмотреть паровоз. Судя по всему, новости уже

разлетелись по городу.

Гарри Король сказал:

– Ну, ребята, разве не чудо эта железная лошадка? Она все что хочешь сдвинет с места, готов биться об заклад. Кстати, в зале заседаний нас ждет сытный обед. Пойдемте, господа?.. Обещаю превосходную говядину.

Первым подал голос лорд Витинари:

– Разумеется, сэръ Гарри. А заодно никто не поможет разыскать моего секретаря?

Все повернулись в сторону паровоза, который остановился совсем как человек, не миг и сразу, но постепенно успокаиваясь, – так старушка устраивается поудобней в любимом кресле, с той лишь разницей, что в эту секунду Железная Ласточка с шипением выпустила струю водяного пара, что нечасто бывает со старушками, во всяком случае, не при посторонних.

Стукпостук был все еще в кабине и отчаянно дергал за цепочку, вытягивая из паровоза очередной гудок; и он, похоже, плакал, как младенец, у которого отобрали игрушку, потому что шипение стало затихать. Стукпостук поймал на себе взгляды окружающих, осторожно выпустил цепь, слез с подножки и буквально на цыпочках прошел сквозь горячий пар, в котором время от времени, по мере того как остывал металл, слышались отрывистые механические поскрипывания. Он осторожно подступил к Дику Кексу и сиплым голосом попросил:

– Можно еще, пожалуйста?

Мокриц следил за выражением лица патриция. Витинари, казалось, был погружен в глубокие раздумья, а потом он бодро произнес:

– Отличная работа, господин Кекс, превосходная демонстрация! Я правильно понимаю, что посредством... этой штуки... можно перевозить большое число пассажиров и тонны грузов?

– Ну да, сэр, почему бы и нет, хотя, ясное дело, надо будет провести дополнительную работу, приличная амортизация там, мягкие сиденья... Я уж думаю, сделаем получше, чем в почтовых каретах, ихние сиденья, сэр, та еще заноза в заднице... извиняйте мой клатчский.

– Охотно извиняю, господин Кекс. Состояние наших дорог и, следовательно, экипажей на лошадиной тяге и впрямь оставляет желать лучшего. Поездка в Убервальд – это истинные незаслуженные мучения, и никакие подушки не спасают.

– Да, милорд, а вот поездка по гладким рельсам в хорошо обустроенном вагоне будет вершиной комфорта. Как по... маслу, – сказал Мокриц. – В подходящем вагоне ночью даже можно будет поспать, если такой вагон придумать, – добавил он. Мокриц даже удивился, что сказал это вслух, но он всегда был человеком, который везде видел новые возможности, а сейчас от возможностей у него рябило в глазах. И он заметил, как разгладилось лицо лорда Витинари. Железная Ласточка катилась по рельсам намного лучше, чем почтовые кареты – по ухабам и выбоинам большой дороги. «Там, где нет лошадей, – думал Мокриц, – никто не нуждается в отдыхе и еде. Только уголь и вода, и Железная Ласточка увезет тонны груза и даже не охнет».

И когда Гарри ушел с патрицием в свой кабинет, Мокриц провел рукой по живому теплomu металлу Железной Ласточки. «Она станет чудом нашего века, – думал он. – Я чувствую это! Земля, воздух, огонь и вода. Все стихии. Вот оно, волшебство, – там, где нет волшебников! Неужели я совершил в своей жизни что-то такое, чем заслужил право быть сегодня здесь – в этом месте, в это время?» Железная Ласточка прощально зашипела, и Мокриц бросился догонять остальных, в предвкушении обеда и парового будущего.

Устроившись в комфортабельном плюшевом зале заседаний Гарри Короля, где были медь и красное дерево и услужливые официанты, лорд Витинари произнес:

– Скажи мне, господин Кекс, может ли твоя машина довезти нас, скажем, до самого Убервальда?

Дик обдумывал вопрос с минуту, а потом ответил:

– Почему бы и нет, ваша светлость. Вокруг Скунда будет непросто, да и, конечно, чем ближе к Убервальду, тем круче уклон, но мне кажется, уж кто-кто, а гномы знают, как наделать в ландшафте дыр, если понадобится. Так что да, сэр, уверен, что со временем и это будет возможно, был бы паровоз надежный. – Он улыбнулся и продолжал: – Уголь, рельсы и вода – и локомотив увезет вас куда захотите.

– Но сможет ли каждый желающий построить такой локомотив? – спросил Витинари с сомнением.

Дик снова усмехнулся в ответ.

– Ну, пусть попытаются, конечно, сэр, но моих секретов никто не знает, а мы, Кексы, с паром работаем уже не первый десяток лет. Мы выучились на своих ошибках. Ну и другие пускай учатся на своих.

Патриций еле заметно улыбнулся.

– Ты знаешь, как покорить мое сердце. Однако оказаться размазанным по потолку собственной мастерской – это несколько радикальный урок.

– Да уж, мне ли не знать, но если вы простите мне мою дерзость, сэр, я бы хотел застолбить право на сотрудничество с Почтамтом прямо здесь и сейчас. Куй железо, пока горячо – такой у нас, Кексов, девиз. Знаю, что семафоры посылают сообщения со скоростью молнии, но посылок и людей по башням не передашь.

Лицо Витинари оставалось бесстрастным.

– Неужели? Я-то кую, когда мне вздумается. Но не смущайся, господин Кекс. Не стану мешать вам с господином фон Липвигом рассматривать свои перспективы, но предлагаю заодно задуматься о положении возниц и кучеров в эпоху перемен.

«Да, – думал Мокриц, – грядут перемены». Но лошади останутся в городах, а Железная Ласточка не сумеет вспахать поле, хотя Дик наверняка мог бы ее научить.

– Одни потеряют, другие найдут – не так ли все происходило с самого начала времен? – сказал Мокриц вслух. – Вначале был человек, который умел делать орудия из камня, потом пришел человек, который сделал орудия из бронзы, и первому пришлось или тоже учиться работать с бронзой, или вовсе сменить сферу деятельности. А человеку, обработавшему бронзу, пришлось уступить человеку, обработавшему железо. И едва тот успел поздравить себя с тем, какой он молодец, как появился человек, выплавивший сталь. Это танец, где все боятся остановиться, потому что, однажды остановившись, ты отстанешь от остальных. Но не таков ли и весь наш мир?

Витинари повернулся к Дику:

– Юноша, не могу не спросить, каков будет твой следующий шаг?

– Столько людей приходят посмотреть на Железную Ласточку, вот я и подумал, может, прицепить вагоны, поставить там какие-нибудь лавки и дать всем возможность покататься на ней. Если сэр Гарри не станет возражать, конечно.

– Все еще остается вопрос общественной безопасности, – заметил Витинари. – Не ты ли говорил ранее, что взорвал... «пару-тройку», кажется, так ты выразился?

– Те я повзрывал специально, поглядеть, как это бывает. Так знания и приобретаются, сэр, вы же понимаете.

– А ты серьезно относишься к своему делу, господин Кекс. И как же другие оценили твои находки? Я хочу знать, господин Кекс, каково мнение твоих старших товарищей.

Дик просиял.

– Ах, вот оно что. Ну, если вы имеете в виду лорда Рансибля, сэр, нашего землевладельца из Сто Лата, так, когда я ему рассказал, он долго смеялся и сказал, мол, удивительно, чем только люди не страдают, и велел не запускать Железную Ласточку в сезон охоты на фазанов.

– Логично, – согласился Витинари. – Перефразирую. Что говорят другие инженеры, которые уже видели твою машину на ходу?

– Ну, сомневаюсь, чтобы кто-то из инженеров, за исключением нас самих, вообще видел Железную Ласточку, хотя я слышал, что двое ребят из Фиглифьорда соорудили отличнейший паровой насос и выкачивают им грунтовые воды из шахт и вообще. Все это интересно, конечно, но Железная Ласточка поинтереснее будет. Я бы сам заглянул к ним как-нибудь на кружку пива и поболтать, но сами видите, занят, занят, вечно занят.

– Ваша светлость, – сказал Гарри. – Я господина Кекса уважаю, потому что лично убедился, что он такой человек, который заправляет рубашку в штаны, а для меня это знак надежности. А там выстроилась целая очередь из тех, кто ужасно хочет покататься на прицепе его, э... локомотива. И думаю, они хорошо отстегнут за поездку на самом первом паровозе в мире. А в Анк-Морпорке народ до того жадный до новинок, что весь город, можно сказать, так и подгоняет наступление будущего, только бы посмотреть, каким оно окажется. И я уверен, что каждый мужчина и каждый мальчишка, а то и дамочки, захотят прокатиться на этой чудо-машине.

– Да и стоит ли обращать внимание на риски, когда сама жизнь в Анк-Морпорке – это ежедневные прогулки под ручку с риском, – пробормотал патриций. – Господин Кекс, я даю тебе свое благословение, что бы это ни было, и я вижу огонек в глазах сэра Гарри, который, смею заметить, имеет вид человека, который хочет стать твоим спонсором. Хотя, разумеется, это исключительно ваше с ним дело. Я же не тиран...

На секунду все звуки за столом стихли, и лорд Витинари продолжал:

– Правильнее сказать, я же не тиран, который настолько глуп, чтобы противиться духу времени. Зато, как всем вам известно, я тот человек, который может руководить им внимательно и взвешенно. Так что сегодня вечером я планирую пообщаться с издателем «Правды», чтобы ввести его, как он сам выражается, в курс дела. Ему нравится, когда с ним консультируются, от этого он ощущает собственную значимость.

Патриций улыбнулся:

– Удивительно, и как мы додумываемся до таких вещей? Мне прямо не терпится знать, что же ждет нас дальше?

Зверское нападение на семафорную башню в Сто Керриге, которая до недавнего времени связывала жителей города с внешним миром, шокировало всех. В сгущающихся сумерках, обводя взглядом погром, Дора Гая не удивилась, когда заметила большого и красивого волка, стремительно приближавшегося к ней с зажатым в зубах пакетом, что в норме нехарактерно для этих животных. Волк скрылся за стогом сена, и вскоре оттуда вышла красивая женщина, лишь слегка растрепанная и одетая в форму анк-морпоркской Городской Стражи.

Капитан Ангва, самый выдающийся вервольф в Страже, сказала:

– Да, знатный погром они устроили. Ты уверена, что пострадал только один твой сотрудник?

– Двое, капитан, гоблины, но они отлично пружинят. И молниеносно соображают. Представляешь, успели сигнализировать, что башню атакуют гномы, прежде чем сделать ноги. Необыкновенно добросовестные создания, когда дело касается механизмов. Ночные смены даются им лучше всего. Предупреждаю, капитан, когда виновные будут найдены, я выдвину им обвинения, и выдвину со всей силы, так что стражникам вроде тебя придется отвернуться, чтобы ненароком не увидеть того, чего не хочется видеть.

– Я бы об этом не беспокоилась, госпожа Ласска. Его светлость придерживается мнения, что помеха семафорному сообщению суть помеха нормальному течению жизни. Измена не только собственному государству, но и всему миру.

– В настоящий момент у моего доброго друга Осколка Сосульки, старшего гоблина с этой башни, повреждена рука, но он, несомненно, поможет искать гномов, которые за это ответственны. Я только не знаю, куда делся Отсвет на Луне.

– Я порыскаю по окрестностям, пока подмога не приедет. Я все равно жду фургон и Игорину для экспертизы, – сказала Ангва. – Если услышишь крик – это могу быть я, но ты не пугайся. Командор Ваймс не выносит бессмысленных диверсий.

Повисло молчание.

– Мне нужно кое-что тебе показать, – мрачно сказала Дора Гая. – Загляни под обломки вот здесь. Этот гном, похоже, категорически мертв и чудовищно изувечен. Я полагаю, он оступился и упал, когда они поджигали башню. А ты что скажешь, капитан?

Капитан Ангва внимательно осмотрела труп.

– Он потерял ухо.

– Ни на что не намекаю, – ответила Дора Гая, – но, насколько мне известно, гоблины, если их как следует разозлить, начинают хулиганить и оставляют себе сувениры.

– Но твои семафорщики никогда бы не стали заниматься чем-то подобным, верно? – спросила Ангва.

Дора Гая сухо ответила:

– Ну да, почти сгореть заживо от рук гномов-экстремистов – это обычные трудовые будни, нет повода для нервов.

Она вопросительно посмотрела на капитана. Ангва ответила:

– Вот именно. Значит, у нас нет никаких сомнений, что травмы были вызваны некомпетентностью самих террористов.

– Естественно, – согласилась Дора Гая.

– Удивительно, однако, как он умудрился сам откусить себе ухо, – отметила Ангва.

– Так Отсвет на Луне уже может выйти из укрытия?

– Прости, – осторожно ответила Ангва, – я не расслышала за треском башни, что ты сказала.

Тишина в кабинете лорда Витинари была абсолютной. Поступь приближающихся шагов Стукпостука еще сильнее подчеркивала эту тишину. Секретарь вручил патрицию листок бумаги и сообщил, что еще одна семафорная башня была сожжена теми, кто называл себя, в переводе, «Единственные Истинные Гномы».

Стукпостук ждал. Ни один мускул не дрогнул на лице лорда Витинари, а потом патриций сказал:

– Доведи до общего сведения, что за вражеские атаки на семафорные башни мы будем карать смертью не только непосредственных участников, но и заказчиков, кем бы они ни оказались. Разошли эту информацию по всем посольствам, консульствам и главам государств. Сегодня же, пожалуйста, – и все так же невозмутимо Витинари продолжал: – Пожалуй, пришло время темным клеркам разобраться с нашими необычными подозреваемыми. Надеюсь, вердикторий дал нам необходимые зацепки, и тебе, Стукпостук, будет оказано любое посильное содействие. Король-под-горой наверняка... огорчен происходящим. Удар пришелся на наши башни, но понятно, что проблема обязательно скажется и на самом короле. Так что отправь ему сообщение черными кликами, дай знать, что лично я готов поддержать любое решение, которое он сочтет наилучшим, и за поддержку леди Марголотты я тоже ручаюсь. Граги в очередной раз нарушили торжественное соглашение, а это, Стукпостук, на корню расшатывает основы мира. Ведь если нельзя доверять собственному правительству, кому тогда остается доверять?

Стукпостук тихонько откашлялся. Его улыбка сейчас больше напоминала гримасу. Прежде чем секретарю разрешили вернуться в его личный кабинет и приняться за плетение интриг, лорд Витинари, продолжая ловить рыбку в собственном потоке сознания, сказал:

– Ты знаешь, Стукпостук, я редко злюсь, но сейчас я очень зол. Буду признателен, если ты пошлешь за командором Ваймсом в его второй ипостаси – Дежурным по Доске Ваймсом. Мне нужна его помощь. И вряд ли он этому обрадуется, что, с моей точки зрения, как нельзя более кстати в сложившихся обстоятельствах. И пожалуйста, отправь сообщение господину Труперу, намекни ему, что сейчас не время великодушничать.

Витинари добавил:

– Это не война. Это преступление. Наказание последует.

Рыс Рыссон, гномий король-под-горой, был гномом большого ума, но иногда и он задавался вопросом, с чего бы гному такого ума лезть в гномью политику, не говоря уж о том, что становиться королем гномов. Лорду Витинари достались такие цветочки, что он, наверное, и не задумывался о существовании ягодок! Король считал людей... как бы так выразиться... достаточно благоразумными, в то время как старинная гномья пословица в переводе гласила: «Диспут между тремя гномами всегда приведет к четырем точкам зрения».

«Сейчас все не так уж запущено, но близко к тому», – размышлял король, обводя взглядом собравшихся членов совета, в котором согласно закону он был первым среди равных. Где-то в старинных свитках он вычитал, что они считались его вассалами, что бы это ни значило. Звучало как что-то неаппетитное.

Когда Арон, его секретарь, вернулся после недавнего визита в Анк-Морпорк, то описал королю игру в футбол, на которой он успел побывать. Так вот, в центре той игры был судья. И в эту минуту Рыс испытывал что-то похожее на то, что должен был чувствовать судья, поскольку все мячи летели в его сторону. Как прикажете быть королем-под-горой в стране, где даже внутри партий были свои партийки, а в тех – свои партиечки? Он завидовал – о, как он завидовал – алмазному королю троллей, который раздавал повеления и советы своим многочисленным подданным. После чего они говорили ему спасибо – слово, которое король-под-горой нечасто слышал в своей жизни. Алмазный король всегда представлял интересы всех троллей. Но гномья раса раскололась почти до неразберихи, а ему, королю-под-горой, приходилось решать эту проблему.

Сегодня на повестке дня – или, точнее, на повестках, число которых было пугающе велико, – стояло по вопросу от каждой фракции. Рыс мрачно задумался, каким словом обозначить множество повесток дня, и остановился на термине «повестерия с летальным исходом».

Из-за глубинных грагов его мучили кошмары по ночам. Чувствовалось нечто агрессивное в их массивных кожаных одеяниях и колпаках. Он думал: ведь, в конце концов, все мы гномы. Так не говорил ничего такого о том, что гномы должны прикрывать свои лица в обществе семьи и друзей. Рыс находил этот обычай демонстративно провокационным и, конечно, оскорбительным.

И теперь на бесконечной повестке дня гномы из каждой шахты жаловались на миграцию молодежи в большие города. И конечно, у всех имелись свои теории, чем это могло быть вызвано, и все были ошибочными. Всякий гном, который предпочитал не жить в темноте, во всех смыслах слова, знал, что причина, по которой молодые гномы заполнили, к примеру, тот же Анк-Морпорк, крылась просто-напросто в самих этих брюзгах и их обычаях. А те, кого Рыс считал прогрессивными гномами, – те, которые могли спокойно дружить с троллями, наседали на него, короля, потому что их раса-де отгородилась от мира непроницаемым занавесом.

В зале короля-под-горой сгустилась туча взаимного несогласия, которое со всех сторон казалось воплощением своенравия, словно в любом споре, даже самом незначительном, противник должен быть изничтожен до последнего клочка. Так мыслили гномы. «Мы слишком много времени проводим взаперти», – подумал Рыс. Он вздохнул, заметив, что слово взял Пламен, чей голос звучал невыносимо громко.

Пламен был гномом, которого король не отказался бы увидеть во время обвала в шахте, желательно в качестве жертвы. Однако у Пламена были последователи, много узколобых последователей, а еще – много могущественных друзей. Вот, собственно, и все. Политика. Политика походила на такие деревянные игрушки-мозаики для детей, где нужно передвинуть все квадратики в поисках одного-единственного правильного варианта, и только тогда у тебя сложится целая картинка.

В данный момент Пламен намекал, что на самом деле добыча жира в шмальцбергских жировых шахтах не была исконно гномьим занятием, в ответ на что один престарелый гном, в котором король узнал Сулина Геддвина, вскочил на ноги.

Геддвин взялся за рукоятку своего топора и сказал:

– Мой отец был жировым шахтером. И моя бабушка, она была ну очень жировым шахтером. И я был жировым шахтером, когда был моложе. Матушка дала мне в руки крошечную кирку, как только я выучился ее держать. Все мои родичи, с того самого времени, как упал Пятый слон, были жировыми шахтерами, и я вам так скажу: доход от нашего чистейшего жира, экспортируемого на Равнины, не дает этому городу загнуться. Так что я не потерплю подобных оскорблений от какого-то б'зугда-хьяра[20 - Пер. с гномьего – «садовое украшение».], который

боится даже выглянуть на солнце.

В зале раздался лязг железа, а потом тишина, и все замерли в ожидании того, что случится дальше. А значит, нарушить тишину предстояло Рысу Рыссону. В конце концов, был он королем-под-горой, то есть королем всех гномов, или нет?

Он улыбнулся, прекрасно отдавая себе отчет в том, что одно неверное слово разнесется катастрофическим эхом по пещерам, и результат, каким бы он ни оказался, будет на его совести. Такова судьба тех, кто работает на благо мира в противовес войне, и путь ответственного руководителя всегда утыкан шипами.

Он посмотрел на рассерженных членов совета, которые, сидя за огромным столом, размахивали топорами. Как будто быть гномом значило вечно жить в состоянии, которое попросту не передавалось в полной мере словом «брюзгливость». Совет гномов всегда был, выражаясь их собственным языком, смятением гномов.

Рыс спокойно заговорил:

– Ради чего стал я вашим королем? Я отвечу вам. В мире, где официально признаны равные права троллей, людей и прочих существ, даже гоблинов, отсталые элементы гномьего сообщества неумоимо продвигают идею, чтобы граги блюли чистоту всего гномьего. – Он строго посмотрел на Пламена и продолжал: – Везде, где проживает осязаемое количество гномов, гномы пытались модернизироваться, но без особого результата, за исключением Анк-Морпорка. К нашему стыду, те, кто вознамерился держать расу гномов во тьме, исхитряются внушить своим последователям веру в то, что перемены любого рода есть святотатство – не посягательство на что-то конкретно святое, но так, вообще, святотатство, витающее в атмосфере, кислой, как море уксуса. Так быть не должно! – Он повысил голос и обрушил на стол кулак. – Я здесь, чтобы донести до вас, друзья и, конечно, мои улыбающиеся враги, что, если мы не выступим плечо к плечу против сил, которые желают удержать нас во тьме, раса гномов впадет в ничтожество. Мы должны работать вместе, общаться, обходиться друг с другом как следует, а не брюзжать без конца, что мир теперь принадлежит не только нам, чтобы в итоге испортить его для всех. В конце концов, кто в мире новых возможностей захочет иметь дело с такими, как мы? Я говорю серьезно. Мы должны вести себя как существа разумные! Если мы не будем идти в ногу со временем, оно растопчет нас и подомнет под себя.

Рыс взял паузу, чтобы переждать, пока схлынет волна неизбежных воплей «позор!» и «врешь!» и прочий шлак мучительных переговоров, и потом продолжил:

– Да, я вижу, Альбрехт Альбрехтсон. Предоставляю тебе слово.

Пожилой гном, который в свое время был фаворитом предвыборной гонки, учтиво сказал:

– Ваше высочество, вам известно, что мне не слишком-то по нраву ни то, как меняется этот мир, ни ваши чересчур прогрессивные идеи, но даже я пришел в ужас, обнаружив, что радикальные граги продолжают устраивать набеги на семафоры.

Король возмутился:

– Они в своем уме?! После сообщения из Анк-Морпорка о нападениях на башни мы ясно дали понять и членам совета, и всем гномам, что этот идиотизм должен немедленно прекратиться. Это еще хуже, чем нугганиты[21 - Не путать с Рыцарями Нуги, прославленными в гномьей мифологии первопредками, которые на заре времен сотворили паточные залежи и прочие подземные сладости.], которых я тоже ни в коем случае не оправдываю – они абсолютные и беспрецедентные психи.

Альбрехт откашлялся и сказал:

– В таком случае, ваше высочество, я считаю своим долгом полностью принять вашу сторону. Возмутительно, что все зашло так далеко. Кто мы, если не существа, способные к разговору, а грамотный разговор – это дар, который должны ценить существа во всем мире. Никогда не думал, что скажу такое, но от новостей, которые я слышу в последнее время и которым, по идее, должен радоваться, мне стыдно зваться гномом. У нас есть свои различия, и правильно, и так и должно быть. Диалог и компромисс – два краеугольных камня в мире политики, но здесь и сейчас, ваше высочество, вы можете заручиться моей полной и безоговорочной поддержкой. А что до тех, кто стоит у нас на пути, чума на них. Слышите? Чума!

Гвалт гвалту рознь, и поднявшийся после этих слов шум не утихал еще долго.

В конце концов Альбрехт Альбрехтсон опустил свой топор на стол, расколов доску сверху донизу, и меж гномов воцарилась испуганная тишина. Тогда он сказал:

– Я поддерживаю своего короля. Для того и нужны короли. Чума, я сказал. Чума. И гинунгагап всем, кто скажет иначе.

Рыс Рыссон отвесил поклон старому гному:

– Благодарю тебя, друг, за твою поддержку. Моя тебе вечная благодарность. Я перед тобой в неоплатном долгу.

Внимательному наблюдателю могло бы показаться, что король-под-горой в этот момент стал чуть выше ростом. За всем этим многоголосием (а нет многоголосия более кипучего, чем гномье) король почувствовал странный прилив сил и такую легкость, как будто невидимые газы, которые залегают вокруг кратера Пятого слона, приподняли его над землей. Королю показалось, что члены его совета вдруг задумались, всерьез задумались, а еще они прислушивались – всерьез прислушивались. И наконец пробовали мыслить творчески.

Рыс продолжал:

– Неспроста в Анк-Морпорке живет больше гномов, чем здесь, в Убервальде. И мы сегодня знаем, сколько наших братьев эмигрирует во владения алмазного короля троллей. Что же получается? Наш исконный враг стал теперь другом для тех, кто бежит, скрываясь от граговских приспешников.

Как он и предвидел, многоголосие еще умножилось: упрямыцы бурлили ненавистью, бурлили несогласием, бурлили желчью.

– Я могу вас заверить, – продолжил Рыс, – что история пройдет прямо по головам вздорных гномов, и я отказываюсь стоять в стороне. Я не позволю нашей истории завершиться низведением гномьей расы до статуса разгневанных б'зугда-хьяра! Я ваш король по праву, избранный законно, со всеми должными ритуалами. Я был коронован на Каменной Лепешке в соответствии с традициями, восходящими к временам Б'хриана Кровавого Топора, и я буду исполнять свой священный долг. Я объявляю грагов и их прихвостей

д'храраками и не стану больше терпеть их пагубных учений. Я король, и я буду королем!

Гвалт возобновился как всегда, но Рысу показалось, что гномы за столом остались довольны. А потом его взгляд упал на Пламена, и ощущение торжества слегка ослабло, когда он подумал: «Рано или поздно, дражайший господин Пламен, придется мне с тобой разобраться».

Лорд Витинари невозмутимо прочел заголовок в «Правде»: «ПРОЕКТ «ЛОКОМОТИВ» ОПАСЕН ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ», – а ниже, шрифтом поменьше: «сообщают источники». Когда он будет разговаривать с издателем, то будет так же невозмутим. Патриций, конечно, знал, что при любой перемене найдется тот, чьи чувства она оскорбляет; не приходилось сомневаться, что свежееиспеченное железнодорожное предприятие не могло не попасть под прицел.

– Оказывается, – заметил лорд Витинари Стукпостуку, – ритмичный стук вагонов по рельсам приведет к моральному разложению. Так утверждает господин Реджинальд Стиббингс из Сестер Долли. – Витинари дал знак одному из темных клерков. – Джеффри, что нам известно о господине Стиббингсе? Можно ли назвать его... экспертом в области морального разложения?

– Стиббингс с Гравейчатой улицы, милорд? Известно, что у него есть молоденькая любовница, сэр. Девица, прежде танцовщица из клуба «Розовая киска», о ней там отзывались самым лучшим образом, насколько мне известно.

– Вот как? Значит, и впрямь эксперт. – Витинари вздохнул. – Хотя едва ли это мое дело – следить за личной жизнью своих подданных.

– Милорд, – вмешался Стукпостук. – Будучи тираном, вы именно этим и занимаетесь.

Витинари наградил секретаря взглядом, для которого ему не пришлось непосредственно поднимать бровь, но все намекало на то, что она поднимется, если адресат не перестанет испытывать судьбу. Витинари потряс перед Стукпостуком газетой и продолжил:

– А вот госпожа Баскервиль с Персиковопирожной улицы уверяет, что юные барышни, путешествующие поездом, рискуют оказаться рядом с сомнительными джентльменами. – Тут он ненадолго задумался. – Впрочем, в этом городе перспектива оказаться рядом хоть с каким-нибудь джентльменом выглядит весьма оптимистично. Но в чем-то она права. Пожалуй, благоразумнее устроить отдельные купе только для дам. Подозреваю, госпожа Юффи Король это одобрит.

– Как всегда, блестящая идея, сэр.

– А что у нас здесь? Капитан Слуп крайне обеспокоен скоплением вредных газов в окрестностях железной дороги?

Лорд Витинари резким жестом закрыл газету и воскликнул:

– Жители Анк-Морпорка и так живут в скоплении тошнотворных газов! Они у них в крови. Они мало того что живут с ними, но еще и усердно увеличивают их объем. Похоже, капитан Слуп принадлежит к числу тех людей, которым ни за что не понравится железная дорога. Далее он предполагает, что у овец станут случаться выкидыши, а лошади перемрут от истощения... Да уж, складывается впечатление, что капитан Слуп полагает железную дорогу концом света. Но ты знаешь мой девиз, Стукпостук: глас народа – глас богов.

Стукпостук убежал отсылать клик издателю «Правды», а патриций подумал: забавно, жители Анк-Морпорка упорно настаивают, что не любят перемен, а сами намертво приклеиваются к любому новому увеселению и занятию, какое попадется им на глаза. Ничего толпа не любила так, как новшества. Лорд Витинари вздохнул. О чем люди вообще думают? Сегодня все без исключения пользовались семафорами, даже дряхлые старушки, которые кликами посылали ему жалобы на бессмысленные нововведения, напрочь не видя в этом иронии. Погрузившись в меланхолию, он осмелился спросить себя, вспоминали ли они когда-нибудь о временах, когда введения были старыми или вообще не вводились, в отличие от современности, когда нововведенчество достигло своего апогея. Нововведения происходили, чтобы остаться, думал Витинари. Но вот что еще интересно: кто-нибудь когда-нибудь вообще думал о себе как о новаторе?

С другой стороны, его светлость очень даже видел смысл в возницах и представителях прочих профессий, которые, если верить «Правде», уже сейчас опасались, что дело всей их жизни погибнет у них на глазах, когда железная дорога выйдет в массы, а что в такой ситуации должен сделать заботливый правитель?

Витинари вспомнил, сколько жизней было спасено с помощью семафоров, и не только жизней – семей, репутаций и даже престолов. Клик-башнями теперь был усыпан весь континент по эту сторону Пула, и в донесениях от Доры Гаи Ласски патриций читал, сколько раз семафорщики замечали пожары еще в зачатке, а однажды, у границ Щеботана, даже засекли кораблекрушение в открытом море. Семафорщики кликом сообщили об этом управляющему ближайшего порта и спасли всех пострадавших.

Оставалось только плыть по течению. Новые вещи и новые идеи возникали, дерзко распространялись, кем-то порицались, а потом – глядите, то, что мы считали чудовищем, вдруг оказалось важно для всего мира. И все это время новаторы и изобретатели придумывали вещи еще более полезные, которых никто не мог предвидеть, но они вдруг становились незаменимыми. И столпы мира оставались незыблемыми.

Будучи тираном ответственным, лорд Витинари периодически проводил строгую и безжалостную ревизию собственных действий. О троллях в Анк-Морпорке уже говорили редко, и все потому, что люди, как ни странно, почти не воспринимали их как троллей – просто как больших людей. Такие же, как мы, только другие. А положение гномов, анк-морпоркских гномов? Все еще гномье, да. Но на своих собственных условиях. Король-под-горой тоже был осведомлен, что в Анк-Морпорке была огромная популяция гномов, которые взглянули на будущее и решили отхватить себе кусок. «Традиции? – думали они. – Ну, если это будет нам на руку, время от времени мы будем вспоминать о них и проводить парад в честь всего гномьего. Все те же сыновья и дочери своих родителей... но мы станем лучше. Мы видели город. Город, где все было если не всегда возможно, то вероятно, включая и красивое женское белье».

А где-то в маленькой шахте горы Медянки сапожник Малог Весельссон отложил гвоздь и молоток.

– Слушай меня внимательно, сынок, – сказал он сыну, который облокотился на его верстак. – Я слышал, как ты там говорил, что граги – спасение гномьей расы,

и вот что я нашел этим утром. Это иконография меня в Кумской долине. В тот последний раз. Да-да, я был там, все там были. Граги сказали, что тролли были нашими врагами, и я видел в них только большие булыжники, которые хотят нас раздавить. Ну и вот, выстроились мы все лицом к лицу с вражиной, и тут кто-то прокричал: «Тролли, сложить оружие! Гномы, сложить оружие! Люди, сложить оружие!» И вот так мы и стояли, и все слышали разговоры на разных языках, а прямо передо мной был один огромный тролль, вспоминать страшно! Он держал огромный молот и был готов меня размазать. Но ведь и я был готов в ту же секунду подрубить ему колени топором. А голоса были такие громкие, что все остановились и огляделись, и он посмотрел на меня, и я на него, и он мне сказал: «Что тут происходит, а, господин?» – а я ему: «Понятия не имею!» Но я видел, как на той стороне долины завязалась какая-то серьезная заварушка между всеми нашими шишками, и вокруг кричали, что надо сложить оружие, и я поглядел на тролля, а он поглядел на меня и спросил: «Мы воевать начнем или как?» – а я ответил: «Мне тоже приятно познакомиться, мое имя Малог Весельссон», – и он вроде так усмехнулся и сказал: «А меня зовут Хрясь, приятно познакомиться». А вокруг нас все ходили и спрашивали друг у друга, что происходит, и будем мы драться или не будем, и если мы будем драться, то за что конкретно? И кое-кто уже присел отдохнуть и развел костер накипятить чаю, а с другой стороны долины развевались флаги и все расхаживали, как будто там был какой-то праздник. Тогда к нам подошел гном и сказал: «Повезло вам, ребятки, вы увидите такое, чего уже миллионы лет никто не видел», – и так оно и получилось. Мы стояли не в самом начале очереди, а тролли и гномы и люди возвращались из пещеры, и каждый проходил мимо нас с таким видом, словно заморозил его кто. Так вот, я тебе рассказывал о чуде Кумской долины и раньше, сынок, но ты не видел эту иконографию меня и Хряся. Ее сняли как раз в то время, когда мы поняли, что не будем драться в тот день, и мы все зашли в ту пещеру, кто поодиночке, кто попарно, и увидели там двух королей, гномьего и тролльего, заточенных в блестящем камне за партией игры в «шмяк»! И мы сами это видели! И так все и было! Они стали товарищами в смерти. И мы поняли, что не нужно становиться врагами в жизни. Так дело и кончилось. А позднее мы с Хрясем отправились на поиски выпивки. Многие были заняты тем же, но он мне такое налил, что у меня чуть чердак напрочь не снесло. Аж подошвы загорелись. А у Хряся теперь двое детей, вот, все у него в порядке, живет в Анк-Морпорке. Тролли не большие любители писать письма, но я вспоминаю его и Кумскую долину каждый день.

Старый сапожник посмотрел исподлобья на сына и сказал:

– Ты умный мальчик. Умнее своего брата... И, наверное, хочешь что-то у меня спросить.

Юноша откашлялся:

– Если ты видел их партию, ты не мог бы вспомнить, кто тогда выигрывал?

Старый гном рассмеялся:

– Я задал такой же вопрос командору Ваймсу, когда мы с ним встретились, но он ни в какую не отвечал. Мы подумали, что он, верно, сломал пару фигурок, чтобы никто не догадался, кто должен был выйти победителем, и какой-нибудь любопытный паренек вроде тебя не попытался бы развязать новую войну.

– Командор Ваймс? Дежурный по Доске?

– Он самый. Руку мне пожал. Нам обоим.

Голос мальчишки вдруг исполнился благоговением.

– Ты взаправду жал руку взаправдошнему командору Ваймсу?!

– Да, да, – отозвался его отец как ни в чем не бывало, словно встретить знаменитого Дежурного по Доске было обычным делом. – У тебя, кажется, остался еще вопрос, сынок.

Мальчик нахмурился:

– Отец, что теперь будет с моим братом?

– Извини, этого я не знаю. Я послал прошение Витинари и поручился, что Ллевелис хороший парень, который спутался с дурной компанией. И я получил ответ – его светлость сказал, что он поджег семафорные башни, когда на них работали люди, и теперь понесет то наказание, какое патриций сочтет нужным. Тогда я послал второе письмо и сказал, что сражался в Кумской долине. И получил второй ответ: его светлость написал, что, по его разумению, я не сражался в Кумской долине, потому что там никто не сражался, слава богам, но

он сказал, что понимает, почему я изо всех сил стараюсь помочь старшему сыну. Его светлость сказал, что он это обдумает, – старый гном вздохнул. – И я до сих пор жду ответа, но, как твоя матушка говорит, отсутствие новостей – хорошая новость. Значит, он еще жив. И не говори мне, сынок, что граги-экстремисты на нашей стороне, потому что это не так. Они скажут тебе, что мертвых королей придумали в Анк-Морпорке, а мы дураки, что приняли их за настоящих. И, мальчик мой, глупцы им верят! Но я там был. Я знаю, что? чувствовал, когда дотронулся до них рукой, и каждый в тот день знал, вот почему зло меня берет, когда граги начинают разглагольствовать об ужасных людях и чудовищных троллях. Они хотят, чтобы мы боялись друг друга, считали друг друга врагами, но единственный враг сейчас – это граги. А наивные бедняги вроде твоего брата, которые жгут семафорные башни и обжигаются на них же, – они жертвы крадущихся в темноте подонков.

В Продолговатом кабинете Стукпостук положил перед лордом Витинари послеобеденный выпуск «Правды», посмотрел на последнее отчаянное прошение господина Весельссона и сообщил:

– Подожгли еще две башни, милорд, обошлось без потерь. С нашей стороны, конечно. Юные гномы не туда свернули. Нужно было думать своей головой.

Лорд Витинари погрузился в молчание.

– Справедливо, – заметил он. – Но очень легко быть дураком, когда тебе семнадцать лет, а граги, которые вербуют детей, наверняка намного старше. Не стоит ломать стрелу, если можно грамотно рассудить и поймать лучника. Пусть пока младший Весельссон посидит в Танти и подумает о своем поведении, а через месяц-другой приведи его ко мне на разговор. Если он не дурак, то родителям его не придется носить траур, а я получу список имен и, что тоже важно, благодарность от его родителей. Об этом никогда не стоит забывать, ты согласен, Стукпостук?

– Порча имущества, – задумчиво произнес Стукпостук.

– Да, – согласился Витинари. – Именно.

Несколько дней спустя Кроссли бесшумно вошел в хозяйскую спальню дома на Лепешечной улице и растолкал Мокрица, а когда это не возымело должного эффекта, ущипнул его за ухо, чтобы обратить на себя внимание.

– Прошу прощения, сэръ, – шепнул он, – но его светлость требует вашего присутствия во дворце немедленно, и я уверен, что никто из нас не пожелает беспокоить хозяйку в такой час.

Дома и в кои-то веки в постели в то же время, что и Мокриц, Дора Гая Ласска тихонько похрапывала, хотя сама в жизни бы этого не признала.

Мокриц застонал. Час был ранний, семь утра, а он физически не переносил, когда семь часов случалось два раза в день. Тем не менее оделся он по многолетней привычке быстро и тихо, спустился вниз, вышел из дома и, вскочив на троллейбус, доехал до дворца. Он взбежал по ступенькам к Продолговатому кабинету, вспоминая, что не видел этот кабинет пустым ни днем ни ночью. На сей раз лорд Витинари сидел за столом и выглядел, если можно было применить такое слово к патрицию, бодрячком.

– Доброе утро, доброе утро, господин фон Липвиг! Куда быстрее, чем в прошлый раз, я смотрю. Скорее всего, ты еще не успел прочитать сегодняшние газеты. Случилось нечто невероятно занимательное.

– Это как-то связано с железной дорогой, милорд?

Лорд Витинари как будто опешил, но через секунду оправился.

– Действительно, есть и о ней, раз уж ты спрашиваешь. – Он хмыкнул, как будто это было что-то незначительное в сравнении с тем, что на самом деле его занимало. – Сообщают, что все спешат во владения Гарри Короля посмотреть на чудо парового поезда, который, похоже, покорило сердца публики. И я так понимаю, Гарри, со свойственной ему коммерческой жилкой, уже превращает это в доходное предприятие. Новость, конечно, хорошая, но если ты все-таки откроешь газету, то найдешь там личное извинение от издателя «Правды», а также обещание изъять кроссворд и временно отстранить от дел его составительницу, поскольку она не отвечает высоким стандартам головоломок, которые должны оставаться решаемыми, но в то же время достаточно затруднительными. Я редко злорадствую, но боюсь, что ее коса нашла на мой

камень. Велю Стукпостуку послать ей коробку шоколадных конфет от тайного поклонника. Я умею галантно выигрывать! – Лорд Витинари прочистил горло и продолжал уже серьезнее: – Увы, Стукпостук сегодня отсутствует. Отпросился на утро, чтобы пойти посмотреть на паровоз. Неслыханное дело. Должен сказать, я несколько удивлен, поскольку единственный раз, когда он просил освободить его от выполнения должностных обязанностей, был три года назад, и тогда Стукпостук собирался на симпозиум по скрепкам, скобкам и канцелярским принадлежностям. Тогда он тоже был очень воодушевлен. Остается только гадать, чем же так привлекательна эта машина. Тебе самому это не кажется странным?

Мокриц слегка занервничал, услышав слова «Стукпостук» и «странно» в одном предложении; вместо ответа он вызвался съездить на стоянку поезда, чтобы забрать Стукпостука и вернуть его обратно во дворец.

– И раз уж ты все равно там будешь, господин фон Липвиг, поделишься потом своим... мнением об экономических перспективах для моего города.

Ага, догадался Мокриц, так вот зачем меня подняли в такую рань... опять. Не из-за кроссворда, и не из-за Стукпостука, но из-за интереса, который его город питает к железной дороге.

Его светлость кивнул Мокрицу на прощание и помахал газетой, намекая, что тому пора отправляться в путь.

Мокрицу не сразу удалось пробиться сквозь стену желающих поглазеть на чудо нынешнего века. Очередь, упиравшаяся одним концом в ворота владений Гарри Короля, заканчивалась, кажется, на полпути обратно в город. Стукпостука нигде не было видно, но это Мокрица не удивляло. Даже когда Стукпостук стоял прямо перед тобой, всем своим видом он норовил уклониться.

Охрана стояла у ворот по всему периметру участка – и личные охранники Гарри, и Городская Стража как ястребы наблюдали за горожанами, которые один за другим в порядке очереди выкладывали целый доллар, чтобы прокатиться на прицепе паровоза. Доллар есть доллар, во столько обходится дневное пропитание для семьи, и все же, как Мокриц мог собственноручно убедиться, полет по рельсам в чудо-поезде стоил того, чтобы потуже затянуть пояса. Это

было лучше цирка, лучше всего на свете – нестись навстречу бьющему в лицо ветру и черному дыму, от которого слезились глаза, но копоть на лице была чем-то вроде почетного значка для ездоков, которые, правда, этого не замечали, потому что, если жить где-нибудь в районе Теней, достаточно было просто ступить на улицу или даже зайти к себе домой, чтобы получить хоть плевков в лицо, хоть оплеуху.

Мокриц прекрасно знал, как охочи до новшеств были жители Анк-Морпорка, и ему было совершенно очевидно, что Железная Ласточка, возглавляющая состав, как королева, стала апофеозом новшества. С грохотом она вывернула из-за поворота, таща прицепные фургоны, полные людей, которые кричали и махали приятелям, которые еще ждали своей очереди. И как ценитель массового безумия, Мокриц жадно наблюдал за ними; он заметил, что некоторые пассажиры, высадившись на платформу, подбегали к человеку, который в обмен на еще один доллар выдавал им маленькие сувениры, а потом снова бежали в конец очень, очень, очень длинной очереди, чтобы прокатиться снова.

Рядом раздался щелчок, сверкнула вспышка, и Мокриц повернулся, увидев никогда не унывающее лицо Отто Шрика, ведущего иконографиста анк-морпоркской «Правды», который по-приятельски помахал ему.

– Ну, господин вон Липвиг, зная тебя, это точно твоей руки дело!

Мокриц рассмеялся:

– Нет, Отто, не моей, но я вижу, что оно набирает популярность!

«И я хочу быть в самом центре», – добавил он про себя.

Он заметил, что сборщик денег регулярно убегал, утаскивая за собой огромные кожаные мешки, в сопровождении двух троллей-телохранителей, и его тут же сменял второй аттракционщик, готовый принимать у толпы денежки. И вот Мокриц, своим «хитрым манером», последовал за деньгами. Он шел за ними между гигантских зловонных куч и вонючих отстойников империи Гарри, пока человек с мешком монет не вошел в большой сарай. Мокриц вошел следом и застыл, потому что оказался окружен людьми, чьи носы частенько бывают расплющены и свернуты набок – людьми немногословными и, как он теперь заметил, с очень плохим запахом изо рта.

К счастью, в бараче оказался и Гарри Король, который был достаточно умен, чтобы сразу вскинуть руку и прояснить:

– Спокойно, ребята, сделали глубокий вдох. Это всего лишь господин фон Липвиг, мой давний приятель и управляющий банка. Практически один из нас, а, Мокриц?

Мокриц улыбнулся, радуясь тому, что в данную минуту все дышали глубоко и спокойно, и ответил:

– Гарри, ты же понимаешь, что как управляющий твоего банка я обязан следить за соблюдением твоих интересов, но ты, я надеюсь, следишь и за соблюдением интересов господина Кекса, не так ли?

Слова повисли в воздухе как меч, и притом довольно острый. Мокриц следил за Гарри, который не повел и бровью. А потом внезапно расхохотался.

– Ого, господин фон Липвиг, я всегда говорил, что тебе пальца в рот не клади, хотя и за своими пальцами следи, если уж на то пошло!

Он кивнул своим телохранителям и сказал:

– Ступайте, передохните чуток. Мы тут с приятелем перетрем по-приятельски. Кыш отсюда.

И они подчинились. Остался только один, самый большой тролль, который необычайно сверкал и самым внимательным образом наблюдал за Мокрицем, впрочем, не так внимательно, как наблюдал за ним Мокриц. И Мокриц заметил, что этот тролль был... джентльменом. Он не мог описать никакими другими словами. Тролль был хорошо одет, что удивляло уже само по себе, ведь тролли в принципе относились к одежде как к необязательному атрибуту.

Немного смутившись собственного интереса, Мокриц набрался наглости и сказал:

– Хорошо, Гарри, только здесь остался еще один телохранитель. Ты думаешь, я хочу тебе навредить?

Гарри Король загоготал:

– Да это мой законник. Зовут его господин Громогласс, у него рекомендации и все как положено, да, Громогласс?

Законник! Бинго!

Гарри все продолжал утробно смеяться.

– Господин фон Липвиг, видел бы ты сейчас свое лицо! Но ты не волнуйся. Господин Громогласс ко всем так относится. Не то чтобы я не рад тебя видеть, но ты нам обоим можешь пригодиться, мне и нашему общему другу инженеру. Поговорим где-нибудь в другом месте? Кофе хочешь?

Гарри махнул секретарю, который тут же убежал прочь, а потом повел Мокрица и Громогласса в свой кабинет с панорамным видом на участок. Гарри уселся сам и пригласил их последовать его примеру.

– Слушай, господин фон Липвиг, ты меня знаешь, и я тебя знаю. Два сапога пара, а? Не совсем мошенники, ну, во всяком случае не сейчас, да? Сейчас мы взрослые люди и умеем вести дела как положено. – Он подмигнул. – И мы оба с первого взгляда узнаем возможность, которая выпадает раз в жизни, это уж точно. Поправь меня, если я ошибаюсь.

С ними был законник, и вдобавок такой, который мог убить тебя одним ударом, а в присутствии законника всегда имело смысл дважды обдумать, что ты собирался сказать, потому что никогда нельзя было знать наверняка, можно ли доверять этим крысам. Но Мокриц кивнул господину Громоглассу и произнес, четко выговаривая каждое слово:

– Сэр Гарри, лорд Витинари направил меня с поручением оценить это замечательное изобретение с точки зрения его общественной пользы.

Гарри Король открыл коробку толстых сигар, принялся и выбрал одну, после чего протянул коробку Мокрицу и Громоглассу. Троль, конечно, отказался, но Мокриц никогда не упускал шанса раскурить превосходную сигару Гарри Короля. Их привозили ему из далеких земель, и им действительно не было

равных. Гарри выдул большое облако дыма, на минуту уподобившись Железной Ласточке, и до Мокрица вдруг дошло: Гарри, который знал, как важны символы и эмблемы, определенно нацелился стать первым железнодорожным магнатом.

– Господин фон Липвиг, Железная Ласточка мирно, за неимением лучшего слова, и исправно катает любопытствующих горожан по железной дороге. Они ездят круг за кругом, счастливые как дети, ты же видишь. Господин Кекс говорит, что построил свою машину в качестве доказательства, и теперь ему нужно очень много денег, чтобы построить полноценную версию, которая сможет возить еще больше пассажиров и – главное – грузов, потому как он полагает, что в них основной доход, хотя гляжу я в окно на эти улыбающиеся лица и сомневаюсь в этом. – Гарри с довольным видом выпустил в воздух еще струю дыма (и Мокриц подумал, что в принципе у него есть все основания иметь довольный вид). – Так как я тебя знаю, господин фон Липвиг, и знаю, что ты все уже прочел у меня на лице, то я скажу: да, я намерен финансировать юношу в обмен на долю прибыли, долю большую и справедливую. Знаю, что он практически голодранец и в карманах у него хоть шаром покати, но если его амбиций хватит на то, чтобы гонять по всему пропащему белому свету большие поезда, ему нужен будет партнер, который повидал жизнь, а я повидал ее с самого дна. Но вы ж, господа, сами знаете, как оно бывает, когда человек стареет, и свою гору денег он уже заработал... его начинает волновать, а что о нем подумают? Но я не какой-то гном, я не стану перехватывать у перспективного юноши его шанс. Вот почему я счастлив сообщить, что с помощью господина Громогласса мы с ним заключили взаимно выгодную сделку. Я прав, господин Громогласс?

Воздух как будто заискрился, когда тролль встал и, сверкая, заговорил. Его голос словно доносился из далеких сумеречных каньонов. Это был не просто звук – это был полноправный участник разговора.

– Да, все так, сэр Гарри, и хотя у вас с господином Кексом существует устная договоренность, я бы рекомендовал выделить три доли в вашем предприятии, во избежание патовых ситуаций, с третьей и наименьшей долей в руках города, конкретно лорда Витинари. Принцип данного предложения в том, что случись вам с господином Кексом не достигнуть договоренности в любом вопросе касательно того, что мы называем железной дорогой, у лорда Витинари окажется решающий голос, который поможет выйти из тупиковой ситуации. Но город не будет получать никаких дивидендов, его доход по-прежнему будет складываться из прямого налогообложения, и лорд Витинари, я уверен, сочтет это немаловажным плюсом вашего предприятия. Мелким шрифтом в договоре

будут указаны более сложные нюансы, и разумеется, если паровозы господина Кекса приживутся, в будущем появится возможность продать еще некоторое количество акций. Если вы оба согласны, господа, я займусь этим аспектом, и можете быть уверены, что в соответствии с указаниями сэра Гарри у господина Кекса и его родственников будет порядочная доля в бизнесе.

Так же медленно, как он встал, тролль снова сел, и Мокриц фон Липвиг с Гарри Королем переглянулись.

Гарри, широко улыбаясь, сказал:

– Ну, тогда, наверное, нужно позвать юношу, – и кивнул господину Громоглассу.

Несколько минут спустя Дик Кекс неуклюже устроился на краешке кресла, боясь перепачкать его сажей – без особой надежды и совершенно безуспешно.

Гарри, не обращая на это внимания, бодро начал:

– В общем, сынок, дела обстоят так. Ты думаешь, что с большими деньгами сможешь построить паровоз больше и мощнее, чем Железная Ласточка, так? А по длинным этим рельсам ты сможешь отправлять ее аж в другие города? Короче, сынок, я буду тебя финансировать, пока ты не докажешь своих слов на деле. – Он замолчал, ненадолго уставился в потолок и уточнил: – Скажи-ка, по твоему, когда это будет?

Инженер задумался и как будто несколько растерялся, но ответил:

– Не могу точно сказать, господин, но чем больше деньги звенят, тем быстрее колеса крутятся. В смысле, если я сумею нанять самых лучших и опытных рабочих – ну, я подсчитал, поэкспериментировал и думаю, что могу сделать новый паровоз за...

Мокриц затаил дыхание.

– ...За тысячу долларов.

Мокриц бросил взгляд на Гарри Короля, который стряхнул с сигары пепел и невозмутимо ответил:

– За тысячу долларов? И как скоро он встанет на рельсы?

Дик вынул из кармана маленький раздвижной предмет, покрутил его в руках с минуту и ответил:

– Ну допустим, через два месяца. – Он покрутил предмет еще немного и добавил: – Часам к пяти.

Мокриц, который уже начинал дергаться, встрял в разговор:

– Прошу прощения, я припоминаю, ты говорил, что Кексы работают с паром уже не одно поколение и что вы наверняка не единственные, но ты, случайно, не знаешь, нет ли у кого-то еще похожей штуки? Не уведут ли другие твою славу у тебя из-под носа, даже не зная твоих секретов?

Дик ответил ему с удивительной беззаботностью:

– А как же, господин, человек у пяти, но это все нежизнеспособные идеи, ни у кого нет даже рабочей модели уровня Ласточки. Они делают все те же ошибки, что и мой отец, да еще свои собственные в придачу. Раскаленный пар не дает вторых шансов. Одна ошибка – и останутся от тебя рожки да ножки. То ли дело я, господин, я все замеряю, до самой малюсенькой деталечки. Утомительное дело, но измерения – это душа инженерного мастерства. Дед мой и отец, к сожалению, делали все кое-как, тяп-ляп, потому что и не знали толком, что к чему, но измерения – это единственное спасение для того, кто хочет поднять пар. Матушка много денег отдала, чтобы меня хорошо обучили, у ее-то семьи деньги были от... – он запнулся, – ...рыболовства. А у одного моего дяди нашелся угломер и другие хитрые приборы, и я так рассудил: это все мне очень пригодится. А еще когда он научил меня дуть стекло, а уж зачем мне стекло, это мой маленький секрет... – Дик на секунду о чем-то встревожился, но продолжал: – Мне понадобятся целые склады железа, особенно для самих рельс. Ну и понятно, встает вопрос, как класть рельсы по чужой земле... Кому-то придется договариваться с землевладельцами. Я инженер, всегда был инженером и понятия не имею, как торговаться с богатыми шишками.

– По чистой случайности среди нас присутствует прирожденный торгаш, – сказал Гарри. – Что скажешь, господин фон Липвиг? Хочешь к нам присоединиться?

Мокриц открыл было рот, чтобы ответить.

– Ну вот видишь, Дик. Господин фон Липвиг будет проводить за нас переговоры. Он, знаешь, такой человек, что зайдет за тобой во вращающуюся дверь, а выйдет все равно вперед тебя. И говорит как пишет, когда надо. Он, конечно, слегка прохвост, но в коммерции кто без греха.

– Кажется, я, – заметил Дик. – Но я понимаю, о чем ты. Я бы просил только об одном: пускай первая железнодорожная линия будет проложена прямо до Сто Лата. Ну, не до самого Сто Лата, а до местечка в его окрестностях, Швайнетаун, так оно зовется, потому что свиней у нас много. Там я храню все остальное свое оборудование и все инструменты.

Дик беспокойно взглянул на Гарри, и тот поджал губы.

– Туда путь долгий, сынок, миль двадцать пять, если не больше, и это ж такое захолустье.

Тут Мокриц не смог промолчать.

– Да! Только оно недолго будет оставаться захолустьем, как вы не понимаете? Попробуйте доставить в город свежее молоко... Когда оно попадет на стол, это будет уже не молоко, а прокисший сыр, а кроме молока есть еще клубника, зелень, кресс-салат, масса продуктов с коротким сроком годности! Регионы, где пройдет железная дорога, станут процветать по сравнению с теми, где ее не будет! Так же было и с семафорами. Сначала все отказывались от клик-башен, а теперь любой мало-мальски важный человек хочет себе личную башню на заднем дворе. И Почтамт будет на вашей стороне, ведь с поездами сократятся сроки доставки почты. А уж как Королевский банк вас поддержит! Кстати, господин Кекс, приходи к нам в банк, обсудим наши специальные вклады...

Гарри Король хлопнул себя по ноге:

– Ну, что я говорил, господин фон Липвиг, ты никогда не упustiшь возможности, когда она сама идет в руки!

Мокриц улыбнулся:

– Гарри, я думаю, она перед всеми нами.

Точнее сказать, мысленным взором Мокриц видел множество перспектив, вокруг которых было полно проблем, а в центре всего этого великолепия находился он, Мокриц фон Липвиг. Что могло быть лучше! Он улыбнулся еще шире, мысленно и вовне.

И дело было не в деньгах. Дело всегда было не в деньгах. Даже когда дело было все-таки в деньгах, оно было не совсем в деньгах. Ну, чуточку в деньгах. Но в основном оно заключалось в том, что гномы называют крайк: чистое удовольствие от процесса и результата. Мокриц чувствовал, как будущее нагоняет его. Он видел, как оно манит. Вот только рано или поздно кто-то обязательно попытается его убить. Так обычно и происходило, но все равно нужно было рисковать. Вот что было необходимым компонентом любого дела. Всегда нужно было идти на риск. На любые риски.

Гарри искоса взглянул на Мокрица и поинтересовался как бы между прочим:

– Господин Кекс, если у тебя так много ценных вещей в сарае где-то в этом свинячем городе, как его там, не станешь ли ты возражать, если я направлю туда пару своих... – Гарри задумался, подбирая слово помягче, – ...ассистентов присматривать за ними в твое отсутствие?

Дик был озадачен.

– Это очень тихое и старое место, господин, – сказал он.

С выражением какой-то отеческой заботы Гарри объяснил:

– Может, и так, сынок, но мы с тобой сейчас движемся туда, где нас ждет много денег, а там, где много денег, всегда много людей, которые хотят отнять их у тебя. Я должен быть уверен, что если кто-то вломится в твой сарай и станет

лазать по нему в поисках всяких интересных механических штук и подсказок, как же ты построил свой паровоз, ему придется объясняться с Могильщиком, Дэйвом-Заточкой и Бобом-Дробилкой. Они отличные ребята, любят своих мам и вообще мухи не обидят. Зови это, например... подстраховкой. И если ты любезно дашь им ключ, так я направлю их туда прямо сейчас. Впрочем, если ключа у тебя нет, они и без него сумеют войти. Они очень находчивые.

Юный Дик улыбнулся и сказал:

- Очень любезно с твоей стороны, господин Гарри. Тогда заодно я передал бы через них и весточку матушке. Она сама им все покажет и расскажет. Мой отец любил говорить: прежде чем запереть дверь, расставь парочку ловушек, а потом пускай себе крадут, если у них останутся руки, чтобы унести украденное.

Гарри в голос рассмеялся:

- Похоже, мы с твоим отцом одинаково смотрим на жизнь. Что мое - мое, а мое не трожь.

Когда Мокриц и господин Громогласс вышли на участок, Мокриц отметил, что люди до сих пор выстраивались в очередь покататься на Железной Ласточке, которая величественно ждала, пока помощники Дика засыпят в нее угля доверху и смажут маслом и мазутом все детали и самих себя заодно. Они стучали по колесам и до блеска начищали то, что могло блестеть (опять-таки, и себя заодно), и буквально все городские мальчишки и, как ни странно, даже девчонки смотрели на Ласточку в восхищении и поклонялись ей как божеству. И вот Мокрицу снова пришла в голову эта мысль: земля, воздух, огонь и вода, сумма всего! Богиня нашла свою паству.

Раздался звук, подобный раскату грома, но это только господин Громогласс прочистил горло, чтобы сказать:

- Удивительно, господин фон Липвиг, не правда ли? Ощущается в ней некая бытность, не подберу иного слова, как будто намек, быть может, что жизнь проявляет себя во многих облициях. Но это так, просто мысли вслух.

Мокриц никогда не слышал у тролля такой безупречной дикции, и его удивление, должно быть, отразилось на лице, потому что Громогласс со смехом сказал:

– Алмаз во мне делает свое дело, господин фон Липвиг. И впредь я намерен составлять только такие контракты, которые будут выгодны для обеих сторон, можешь не беспокоиться.

В этот момент Мокриц заметил Стукпостука, чумазого, веселого и покрытого сажей. Он спускался с паровоза и нехотя возвращал фуражку и поношенную куртку одному из товарищей Дика. Мокриц подхватил низкорослого секретаря под руку.

– Куда же ты запропастился, господин Стукпостук? Я тебя уже обыскался, – соврал он. – Его светлость ожидает твоего возвращения с минуты на минуту.

Мокриц не мог с уверенностью сказать, нравится ли ему Стукпостук, но видеть его своим врагом он точно не хотел, с его-то близостью к мотору, который приводил в движение весь Анк-Морпорк. Так что он старательно оттер с секретаря грязь и поймал экипаж. Возвращаясь в город вдоль битком забитого бечевника, он заметил, что большая часть транспорта все еще двигалась в противоположную сторону.

Мокриц чувствовал дух времени в воздухе, как ветер, которому хотелось и иногда удавалось подставить лицо. Мокриц понимал его и слышал в нем намеки на скорость, путешествия и что-то восхитительно новое, и самый остов мироздания пробуждался и вдруг начинал требовать движения, новых горизонтов, дальних стран. Где угодно, только не здесь! Сомнений быть не могло: железная дорога еще обратит уголь в золото.

– Минуточку, молодой человек.

Сержант Колон и капрал Шнобби Шноббс, которые взвалили на себя обязанность патрулировать тянущуюся к поезду очередь зевак, неуверенно обернулись. Немало лет прошло с тех пор, как сержанта Колона называли молодым человеком, а что до Шнобби Шноббса, то он, может, и был младшим из них двоих, но имелись определенные сомнения, можно ли относить его к виду гомо

сапиенс. Анк-Морпорк так и не определился. Колон и Шнобби должны были дежурить в Тенях, но Колон делегировал эти обязанности парочке новобранцев.

– Будет для них хороший опыт, Шнобби. А этот паровой двигатель, верно, опасное дело. Кто-то должен за ним присматривать – пара матерых стражников, например, которые готовы лечь на амбразуру ради общественного спокойствия.

– Молодой человек... прошу прощения, – снова позвал голос. Он принадлежал взмыленной женщине с двумя мальчишками на руках, которые уже давно, впрочем, на руках не сидели и выражали свое нетерпение из-за того, что обещанную поездку приходилось долго ждать, самым невыносимым образом, как умеют только маленькие дети. В отчаянной попытке отвлечь их от соревнования, кто доставит больше неудобств соседям по очереди, мать ухватилась за первых попавшихся на глаза людей в форме в надежде на то, что они развлекут ее чад какими-то занимательными фактами.

– Мы просто хотели спросить, знаете ли вы, как едет паровоз? – спросила она.

Фред Колон набрал в грудь воздуха.

– В общем, там есть котел, вот. Это навроде чайника.

Младшему мальчику такое объяснение показалось недостаточным, потому что он сказал:

– У мамы есть чайник. Он никуда не едет.

Мама предприняла еще одну попытку.

– И как работает этот «котел»?

– Он как бы подает горячую воду в мотор, – пришел на помощь Шнобби.

– Ясно, – сказала дамочка. – А потом что?

– А потом горячая вода поступает в колеса.

Старший мальчик не поверил.

- Правда? Как это?

Загнанный в угол, Шнобби ответил:

- Сержант лучше расскажет.

Капелька пота выступила на лице Колона. Он видел, что двое маленьких детей разглядывают его как музейный экспонат.

- Ну, э, вода становится как магнит, потому что быстро крутится, - сказал он.

- По-моему, это как-то по-другому работает, - возразил старший мальчик.

Но Колон вошел в раж и пропустил его слова мимо ушей.

- Кружение вызывает магнетизм, и от этого вода не растекается. В колесах поезда много железа, не просто же так. Потому поезд и остается на рельсах - магнетизм.

Младший мальчик сменил тему.

- А почему паровоз делает «чух-чух»?

- Это потому, что он очухался! - сказал Колон в неожиданном приступе вдохновения. - Слышал такое слово? Вот оттуда оно взялось.

Шнобби уважительно посмотрел на напарника.

- Seriously, сержант? Никогда бы не подумал!

- А когда он хорошенько расчухается, то как раз наберет достаточно магнетизма, чтобы поезд не свалился с железных рельсов, поняли?

Последнюю фразу он выпалил в надежде, что новых вопросов не последует. Но с детьми такой номер никогда не проходит. Старшему мальчику надоело это слушать, и он решил похвастаться знаниями, которых нахватался у приятелей, успевших побывать здесь в первой половине дня.

– А разве это не из-за возвратно-поступательного движения? – спросил он, лукаво сверкнул глазами.

– Ах да, ну конечно, – беспомощно выкручивался Колон. – Нужно, чтобы движение было возвратное и уступательное, чтобы поезд мог расчухаться. А когда все как следует чухает, возвращается и уступается, можно трогаться в путь.

Младший мальчик окончательно запутался, и неудивительно.

– Я все равно не понимаю, господин.

– Ну, так ты еще слишком маленький, – сказал Колон, находя спасение в отговорке, которой испокон веков пользовались все доведенные до отчаяния взрослые. – Очень сложная техника с этими чухами. Такое вообще бесполезно детям объяснять.

– А я тоже не поняла, – сказала их мать.

– Знаешь, как часы работают, госпожа? – опять пришел на выручку Шнобби. – Тут то же самое, только больше и быстрее.

– А как оно заводится? – спросил мальчик.

– Да, да, – пролепетал Колон. – Конечно, он заводится. И когда его заводят, то раздается «чух-чух».

Маленький мальчик поднес к лицу заводную игрушку и сказал:

– Мам, он прав, если ее завести, она тоже пойдет.

Совершенно сбита с толку женщина сказала:

– Ну да... что ж, спасибо, господа, за такую познавательную беседу. Уверена, мальчикам было интересно, – и она всучила Колону несколько монет.

Колон и Шнобби наблюдали за счастливой семьей, когда та забралась в вагончик позади Железной Ласточки. И Шнобби сказал:

– Хорошее чувство, правда, сержант? Людям помогать...

Экипаж Мокрица остановился перед дворцом, и он помог измученному Стукпостуку подняться по лестнице. Невероятно, но он начинал сочувствовать бедолаге. Секретарь сейчас смахивал на едока лотоса, у которого закончились лотосы[22 - Мокриц задумался, лотосы они или все-таки лотусы, но быстро решил, что разницы никакой.].

Мокриц очень осторожно постучал в дверь кабинета патриция, и ему открыл темный клерк. Клерк уставился на Стукпостука и перевел вопросительный взгляд на Мокрица. Сам лорд Витинари удивленно встал из-за стола, и Мокриц таким образом оказался нанизан на два вопросительных взгляда. Так что он нахально отдал честь и сказал:

– Разрешите доложить, сэр, что господин Стукпостук весьма любезно и отважно и где-то даже ценой личного комфорта помог мне сформировать мнение о практических аспектах введения железных дорог, неоднократно подвергая риску свою жизнь в процессе. Я же со своей стороны позаботился о том, чтобы правительство обладало некоторой мерой контроля над железными дорогами. Господин Гарри Король будет финансировать дальнейшие разработки и испытания, но если вам интересно мое мнение, милорд, то новая железная дорога станет настоящим хитом. Я убежден, что существующий прототип способен перевезти больше груза, чем дюжина лошадей. Господин Кекс очень трепетно относится к работе, он исключительно дотошен, и самое главное, поезд уже покорила сердца людей.

Мокриц ждал. Лорд Витинари мог заставить даже статую первой отвести взгляд, после чего она занервничала бы и созналась в чем угодно. Мокриц отвечал патрицию обаятельной улыбкой, которая раздражала Витинари сверх меры, о чем ему прекрасно было известно. В Продолговатом кабинете стояла полная

тишина, пока непроницаемый взгляд и задорная улыбка сражались за превосходство в каком-то другом измерении. Состязание подошло к концу, когда Витинари, так и не сводя с Мокрица пристального взгляда, обратился к ближайшему клерку:

– Господин Уорд, проводи, пожалуйста, господина Стукпостука в его комнаты и умой его, если тебе нетрудно.

Когда они удалились, лорд Витинари сел на место и побарабанил пальцами по столу.

– Итак, господин фон Липвиг, ты веришь в паровоз. Мой секретарь определенно под впечатлением. Никогда не видел, чтобы он был так возбужден из-за чего-то, что не было бы записано на бумаге. Да и вечерняя «Правда» тоже сходится с ним во мнении.

Витинари подошел к окну и некоторое время молча смотрел на город.

– Чего может добиться одинокий тиран перед лицом большого многоглавого тирана в виде общественного мнения и прискорбной свободы печати?

– Прошу прощения, сэра, но ведь если бы вы захотели, вы могли бы закрыть газеты, разве нет? И запретить поезда, и посадить кого угодно в тюрьму. Я прав?

Продолжая разглядывать город, Витинари ответил:

– Мой дорогой господин фон Липвиг, ты смышлен и явно умен, но тебе еще предстоит открыть для себя благодать мудрости, а мудрость как раз и подсказывает могущественному правителю, что, во-первых, ему не стоит просто так сажать в тюрьму кого угодно, потому что туда надо сажать тех, кто негоден, и, во-вторых, что пустая неприязнь к явлению, человеку или ситуации еще не повод для решительных действий. Поэтому я и позволил вам продолжать, хотя сам пока не готов безусловно одобрить железную дорогу. Но и предавать ее проклятию тоже рано. – Патриций обдумал свои слова и поправился: – Пока.

Он прошелся по кабинету раз, второй, а потом, как будто эта мысль только что пришла ему в голову, спросил:

– Господин фон Липвиг, какова, на твой взгляд, вероятность, что поезда действительно смогут добраться до самого, к примеру, Убервальда? Путешествие в карете не только ужасно долгое, тоскливое и утомительное, но к тому же оно полно всяческих... преград... и ловушек для беспечного путешественника, – тут патриций помолчал и добавил: – или неудачливого разбойника.

– Ах да, не там ли живет леди Марголотта? – поинтересовался Мокриц с невинным видом. – Но ведь придется пересекать Дичий перевал, сэра. Там очень опасно! Известны случаи, когда разбойники опрокидывали кареты, сбрасывая на них камни с утесов.

– Но туда нет иного пути, если, конечно, путешественник не готов делать очень большой крюк, как ты и сам наверняка знаешь.

– Тогда, милорд... думаю, можно будет соорудить такую штуку, как бронированный поезд, – предложил Мокриц, лихорадочно изобретая. Он с гордостью отметил, как просветлело лицо Витинари, когда патриций об этом услышал.

Его светлость повторил слова «бронированный поезд» еще пару раз, а потом спросил:

– Но это действительно возможно?

Мокрица закрутило в водовороте собственных мыслей: так ли? возможно ли? действительно ли? До Убервальда больше тысячи двухсот миль! В карете такое путешествие отнимает добрых две недели, и это если вас не ограбят по пути, но кто додумается нападать на бронированный поезд? Двигателю постоянно нужна вода, и возможно ли запастись достаточным количеством угля для столь долгой дороги? В голове крутились цифры. Остановки, места для дозаправки, горы, ущелья, мосты, топи... Столько всего, и любая мелочь может оказаться губительной...

Но по пути в Убервальд поезд проедет много мест, и каждое из них можно использовать, чтобы заработать еще денег. Чертики критического мышления скакали у Мокрица в голове. Всегда приходится сделать что-то перед тем, как сделать то, что ты хочешь сделать – и даже тогда может ничего не получиться.

Витинари же он ответил с оптимизмом:

– Сэр, не вижу причин, почему нет. Но, конечно, при таком долгом путешествии нужно иметь возможность спать в поезде, а главы государств должны занимать несколько вагонов, если не весь состав. Наверняка это можно организовать? – спросил Мокриц и затаил дыхание.

Через несколько секунд его светлость ответил:

– Это было бы уместно, но я все еще в сомнениях. Поезд должен доказать свою состоятельность, и финансовую, и техническую. Впрочем, буду с нетерпением ожидать его успеха. Я слышу, господин фон Липвиг, ты опять говоришь своим сверхбодрым голосом, а значит, ты снова в родной стихии, то есть в самой гуще событий. Но скажи мне, каков будет пункт назначения у первого коммерческого поезда, как думаешь? Щеботан?

– Вообще-то, сэр, этот вопрос уже обсудили, и похоже, пунктом назначения станет Сто Лат, потому что у господина Кекса там остались инструменты и разработки, которые нужно доставить в Анк-Морпорк. К тому же это транспортный узел, дающий нам выход к Равнинам Сто. Узел – это в смысле...

Лорд Витинари жестом прервал его:

– Благодарю, господин фон Липвиг, я знаю, что такое узел.

Мокриц улыбнулся и направился к выходу, не давая панике отразиться на лице, и, когда он потянулся к дверной ручке, за его спиной раздался голос Витинари:

– Господин фон Липвиг, ты же понимаешь, что внимательный правитель, который хочет оставаться на троне еще некоторое время и разбирается в человеческой природе, не станет путешествовать в красивом бронированном поезде... На этот поезд он посадит кого-то вместо себя, кого-то, кого не жалко, а

сам уедет накануне, как следует замаскировавшись. Камень всегда может оказаться слишком большим, да и шпионов, разумеется, полно везде. Но я обдумаю твое предложение. В нем есть что-то заманчивое.

На протяжении следующих нескольких недель все больше и больше людей узнавало о Железной Ласточке, и все больше народу стекалось в Анк-Морпорк, чтобы полюбоваться на чудо нового века, включая дипломатов, послов и делегатов от подавляющего большинства городов Равнин Сто. И конечно, появлялись другие мастера и изобретатели, которые пытались изучить все, что было видно глазу, и выведать, что можно, относительно того, чего видеть не позволялось.

Каждый вечер Железную Ласточку отгоняли по рельсам обратно в амбар и запирали на замок. Там ее никто не мог побеспокоить, потому что сарай охраняли самые внушительные сторожевые псы Гарри и два голема, которых тоже привел Гарри, потому что в отличие от псов их нельзя было приманить на отравленное лакомство, просунутое под дверь. Они патрулировали огромный сарай, иногда в сопровождении офицеров Городской Стражи, которые были там просто для проформы.

Мокриц много времени проводил на участке и за его пределами в своей неофициальной, но всеми принятой роли административного смазочного материала. Функция не менее важная, чем та, которую выполняли ведра машинного масла, необходимого буквально для всего, что было связано с железной дорогой. У Мокрица был и личный интерес в прибыльности железных дорог, ведь он все еще оставался управляющим Королевского банка Анк-Морпорка, и деньги там крутились быстрее, чем вращающиеся двери, когда Гарри начинал выписывать чеки на поставку железа, пиломатериалов и наем новых слесарей по металлу, многие из которых приходили из организации вольных големов – каждый сам себе хозяин, только сделан из глины.

А смазка здесь была нужна еще как. Предприятие уже породило тонны бумажной работы, которую Мокриц ловко переключивал на Стукпостука, чью страсть к бумагам все же не смогла полностью вытеснить страсть к железной дороге. Этот маленький румяный человечек попал в канцелярский рай.

Для прокладки маршрута вызвали землемеров. Они были повсюду со своими маленькими теодолитами. В Дике Кексе они видели своего человека, только другой профессии. Мокрицу это нравилось. У Дика теперь были друзья, и если они не всегда понимали его говор, то, во всяком случае, узнавали язык, чем-то похожий на их собственный, и потому уважали его. В каком-то смысле они занимались тем же делом, что и Дик, только с другими формами, кривыми, количествами, погрешностями и субстанциями, а значит, в важных вопросах были братьями по оружию. И, как и Дик, они работали с вычислениями и понимали предельную важность того, чтобы не допускать в них ошибок, и разделяли его строгие требования к точности.

На участке воздух наполнился звуками металла, стучащего о металл, а в кабинете Гарри Короля все плоские поверхности были завалены картами. Карты были замечательные.

– Ребята, – обратился Дик Кекс к землемерам с теодолитами. – Гарри Король – дельный мужик и хорошо заплатит за хорошо выполненную работу. Он все ставит на то, чтобы пустить паровозы по рельсам, а я хочу, чтобы вы облегчили ему задачу. Железная Ласточка может осилить небольшие склоны, и, черт возьми, когда я с ней закончу, она сможет брать и более крутые, но что я вам хочу сказать: ведите основное полотно как можно ровнее. И не говорите мне, что можно прокладывать туннели и строить мосты, я знаю, но на них нужно время, и это черт знает как дорого! Иногда небольшой объезд сможет сэкономить прорву денег, то есть вашего же гонорара. Главное – думайте головой, и я понимаю, что говорю очевидные вещи, но даже близко не суйтесь к болотам и прочим нетвердым поверхностям. Поезд, и уголь, и вагоны, и бригада – все это зверски тяжеленное, и меньше всего мы хотим узнать, как тянуть утопший поезд из зыбучего песка.

И они уехали. Люди в свежестырированных рубашках. Хозяева счетных линейек. Мокрицу они нравились, потому что воплощали в себе все, что не воплощал Мокриц. Может, им стоило поучиться у него жульничеству. Нет, не тому, чтобы отбирать деньги у вдов и сирот, а тому, что не все люди на их пути окажутся такими же прямыми, как их линейки.

Землемеры охотно сошлись во мнении, что территория Сто Лата была реальным узлом на пути к Равнинам Сто, так что теперь оставалось только уговорить людей, чьими руками можно было, так сказать, распутать этот узел, – эту работу все с радостью возложили на плечи господина Мокрица фон Липвига.

Как выяснилось, между Анк-Морпорком и Сто Латом пролегалo огромное множество чужих земельных владений. Никто не возражал против клик-башни по соседству. Нынче землевладельцы даже требовали себе клик-башни. Но, хм, механическое устройство, которое со свистом мчит по твоим кукурузным полям и капустным плантациям, плюясь дымом и сажей, – это совсем другое дело, и оно сулило проблемы, которые решались только с применением чудесной мази, известной каждому переговорщику под названием «барыш»[23 - Здесь требуется участие человека, который произносит слово «барыш», многозначительно потирая большой и указательный пальцы, ну, ты ж меня понимаешь, шеф?].

Аристократы, если так их можно было назвать, презирали саму идею поездов, полагая, что это подтолкнет низшие классы общества перемещаться куда вздумается, вместо того чтобы прибегать по первому зову. Но были и такие, которых Мокриц сразу узнавал: старые пройдохи, которые сначала убедят тебя, что они все из себя безобидные и, возможно, даже чуточку тронутые, а потом как блеснет огонь в глазах, и – бах! – они скрутят тебя сильнее, чем удав, и все с таким огонечком.

Лорд Андердейл, один такой джентльмен, накачал Мокрица неприличным количеством джина и бренди, безостановочно перечисляя свои условия:

– Вот смотри, молодой человек (раз огонек). Разрешу я тебе провести свои рельсы по моей земле, если мы договоримся о маршруте, и тебе это ни гроша не будет стоить, если ты согласен на бесплатную транспортировку моих грузов, во-первых, и во-вторых, построй погрузочную станцию ровно там, где я укажу, и чтобы я тоже мог поехать куда захочу, просто помахав машинисту рукой. Вот так, молодой человек (два огонек), и я катаюсь бесплатно, и мой груз тоже бесплатно. Договорились?

Мокриц выглянул в красивое сводчатое окно, увидел дым, поднимающийся из-за вековых деревьев, и спросил:

– А что конкретно у тебя за груз, господин?

Старик с прекрасными длинными белыми волосами и такой же бородой ответил:

- Если тебе так уж интересно, то слушай: железная руда с высоким содержанием свинца и цинка. Ага, вижу, у тебя опять пустой стакан. Я настаиваю на том, чтобы ты выпил еще бренди - такой холодный день сегодня, правда (три огонек)?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По этому поводу отпускались кое-какие непристойные комментарии, но, к прискорбию местных незамужних девиц, всем стало ясно, что Чокнутый Железный Кекс и его механики интересовались своими железяками куда больше, чем женщинами.

2

Правильно произносится: Задец.

3

От гномьего дезка-ник, букв.: начальник шахты.

4

Тут человек мог бы сказать «быковать», но гномы не питали теплых чувств к коровьему семейству, тогда как на крысятину всегда можно было положиться.

5

Скаутское движение троллей, гномов и людей зародилось вскоре после подписания Кумского соглашения по инициативе лорда Витинари, чтобы дать молодому поколению трех доминирующих видов возможность познакомиться друг с другом и найти общий язык. Естественно, молодые поколения любых видов, собранные вместе, вместо того чтобы вцепиться друг другу в глотки, объединят силы в борьбе против реального врага – своих родителей, учителей и прочих авторитетов, которые ужасно отстали от жизни. И идея возымела успех, ведь это был Анк-Морпорк, верно? Никому нет дела, какой ты формы, но кто-то всегда может заинтересоваться тем, сколько у тебя денег.

6

Не говоря уже о том, что кувшин был династии Максвини и потому стоил баснословных денег. Зато фарфоровые черепки на полу не показались Гарри такими уж дорогими.

7

На големов это не распространялось. В то темное время, когда компания, принадлежавшая ее семье, была узурпирована коммерсантами, Дора Гая

направила все свои силы на освобождение големов. Она и сейчас продолжала сотрудничать с Тростом Големов, но приятно удивлявший темп перемен в Анк-Морпорке означал, что големы теперь могли прекрасно справляться и без нее.

8

Дора Гая была затейливо плохой кухаркой и прекрасно об этом знала, полагая приготовление пищи напрасной тратой времени для женщины, у которой есть хотя бы одна рабочая извилина. А поскольку Мокриц придерживался аналогичного мнения касательно физического труда, достигнутый компромисс устраивал всех участников.

9

И это было все его имя.

10

Раздельные ваннные комнаты, естественно, залог успеха любых семейных отношений.

11

Шпилька, как любя называл ее муж. Брат звал ее Убийцей, но в хорошем смысле.

12

Литературное название стаи гоблинов.

13

Восхитительно пестрая древесина дуба из Чортова леса пользовалась большим спросом на рынке элитных столярных изделий.

14

Известный в народе как «Липкая голова».

15

Если можно так назвать человека, которому каждый день приходится подписывать документы, посещать неприличное число встреч по поводу встреч и разбирать даже самую ничтожную корреспонденцию.

16

Это кристаллическое соединение черного цвета активно применялось женщинами троллей в качестве антивозрастного крема. Проведя тщательное исследование, Дик Кекс выяснил, что, оказывается, это был очень эффективный смазочный материал.

17

Стоит отметить, что непосредственным председателем был Шалопай, гав-ный председатель.

18

Термин, означающий, что строитель спекулирует на том, как далеко он успеет убежать и с какой суммой денег, прежде чем заказчик обнаружит, что подпоры ничего не подпирают, отстойник закопан на один фут и заваливается на бок, а кирпичи обязаны своим существованием самому естественному и бесценному из всех стройматериалов – коровьему навозу. Процесс обычно начинается с планирования (во всех смыслах слова). Строились целые районы под обманчивыми названиями вроде Соловьинной роци или Подсолнечных садов, где соловей ни разу не пролетал, а подсолнух не распускался, но тем не менее они выставлялись на продажу компанией Внекаторомродедвижимости СРБН Достабля и партнеров, у которой дела шли вовсю.

19

Ой-Донг во многом был похож на Шангри-Ла.

20

Пер. с гномьего – «садовое украшение».

21

Не путать с Рыцарями Нуги, прославленными в гномьей мифологии первопредками, которые на заре времен сотворили паточные залежи и прочие подземные сладости.

22

Мокриц задумался, лотосы они или все-таки лотусы, но быстро решил, что разницы никакой.

23

Здесь требуется участие человека, который произносит слово «барыш», многозначительно потирая большой и указательный пальцы, ну, ты ж меня понимаешь, шеф?

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/terri-pratchett/podday-paru-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)